

Взорвать Манхэттен

Андрей Молчанов

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Андрей Молчанов

Взорвать Манхэттен

«ВЕЧЕ»

2015

Молчанов А. А.

Взорвать Манхэттен / А. А. Молчанов — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8678-8

Потрясший человечество взрыв нью-йоркских башен-близнецов 11 сентября 2001 года до сих пор будоражит умы загадками авторства этого чудовищного замысла. Для одного из столпов американской политики Генри Уитни, знающего подоплеку этого события, куда более важно укрыть истину, вернув похищенные у него диски с источниками информации, проливающей свет на устроителей произошедшего теракта. Уитни – один из влиятельных членов Совета олигархов и политиков, в чьих руках сосредоточена реальная власть над миром. Однако не только он заинтересован стать обладателем этой шокирующей информации.

ISBN 978-5-4444-8678-8

© Молчанов А. А., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

1		6
	АБУ КАМИЛЬ. ДО 11.09.2001 г.	6
	ВЕЧЕРНИЙ РЕЙД	9
	МАКСИМ ТРОФИМОВ	16
	ГЕНРИ УИТНИ	20
	ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА. ДО 11.09.2001 г	24
	МАКСИМ ТРОФИМОВ	26
	АБУ КАМИЛЬ. ДО 11. 09.2001 г.	28
	ЖУКОВ	31
	ГЕНРИ УИТНИ	38
	МАКСИМ ТРОФИМОВ	45
	АБУ КАМИЛЬ. ДО 11.09.2001 г	49
	ЖУКОВ	52
	МАКСИМ ТРОФИМОВ	59
	ГЕНРИ УИТНИ	63
	Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Молчанов

Взорвать Манхэттен

© Молчанов А.А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

1

АБУ КАМИЛЬ. ДО 11.09.2001 г.

Беда заключалась в том, что Абу Камиль не верил в Аллаха. Если бы он верил в него, то жил бы по предначертанному свыше, а иначе приходилось полагаться исключительно на себя.

Событие, предшествовавшее поселившейся в его сознании крамоле, случилось в детстве, когда с отцом он летел из Багдада в Тегеран. У трапа, простершись ниц, молилась толпа в белых одеяниях, похожая на заснеженную поляну. Поодаль от коленопреклоненных простолюдинов держались два шейха в атласных бурнусах. Перебирая четки, они равнодушно взирали поверх голов тех, кто взывал к Всевышнему о благополучии предстоящего полета.

– А почему не молятся эти люди? – спросил Абу отца.

– Они ближе к Аллаху и, наверное, знают его планы, – ответил тот, и губы его тронула легкая лукавая улыбка.

Эта улыбка трещиной отразилась на юной душе Абу, зародив в нем первые сомнения в истинности веры; так легкий надкол на стекле таит в себе сеть лучиков, разбегающихся впоследствии от больших и малых потрясений извилистыми и глубокими разломами.

И когда Абу Камиль стал двадцатилетним юношей, он окончательно уверился, что религия зачастую – просто узда для должных повиноваться придерживающим ее глашатаям масс.

Он происходил из знатной семьи иракских военных. Отец дал ему отменное воспитание и образование за рубежом, а далее сдержанного и опрятного молодого человека, владеющего тремя европейскими языками, заметили люди из разведки, пригласив на службу. Предложение сулило серьезную карьеру, и он согласился без колебаний.

Абу был очень дисциплинированным сотрудником, свои обязанности по службе выполнял неукоснительно, и вскоре заслужил благосклонность высшего руководства, получив назначение на должность начальника направления, отвечающего за связи с исламскими освободительными движениями, более известными, как всякого рода экстремистские кружки. Манипулирование ими означало немалые выгоды для лидеров многих стран, норовящих таскать из костра печеный картофель чужими руками. А то и просто разжечь тот или иной костер в нужный час в необходимом месте.

Дядя Абу – армейский генерал, выбился в круг приближенных к президенту лиц, открыто патронируя племянника, что, естественно, отмечалось шефами молодого разведчика, а потому вскоре тот ощутил свою значимость и почтение со стороны многих влиятельных чинов.

Может, иной бы обольстился своим положением избранного, уверился бы в непогрешимости и надежности покровителей, служа вбитым в голову истинам, однако не зря был принят в разведку молчаливый и умный Абу: он неуклонно учился искусству холодного препарирования фактов, извлекая из них выводы – извечно неутешительные. Главным из выводов являлся тот, что его страной управлял деспот, обуянный гордыней. Созданный им аппарат насилия, в котором служил Абу, был грозен и действенен, внушая трепет черному люду, сдерживая неприязнь между шиитами и суннитами, но война в Кувейте и первая американская кампания открыли Абу истину: будущего у Саддама нет. Он обречен. Но Саддам не только диктатор, это – могучий магнит, и, не стань его, миллионы опилок, выстроенных силовыми полями в непреложный и четкий узор, смешаются в непредсказуемом хаосе. Возможно, со временем картина восстановится, но какое в ней место займет он, Абу? Новый режим не щадит приверженцев режима старого. А спецслужбы – авангард любого режима, и расправа с ними безжалостна совершенно.

Абу тянул с женитьбой, всерьез раздумывая о своем бегстве на Запад. Но этому плану противостояло одно: он беззаветно и трепетно любил свою семью. Он рано лишился родителей, но оставались сестры и братья, а кроме того, семья дяди, заменившего ему отца. Его предательство означало для них гибель в изуверских застенках. Пойти на такие жертвы Абу не мог. И, преисполнившись обреченности, принял решение плыть вместе со всеми на корабле, держащем свой курс на смертоносные рифы.

Вскоре он женился. Свадьба совпала со срочной командировкой в Арабские Эмираты, и сразу же после празднества Абу с молодой женой, получив разрешение руководства, отправился в благословенный Дубай, ежедневно разрастающийся роскошью своих небоскребов, отелей и сверкающими кварталами торговых центров.

Жена Абу – Мариам, впервые выехавшая за границу, была потрясена разноцветьем нового, чистого города, его спокойствием и повсеместными благами.

– Я – в сказке, – благодарно сжала она руку Абу, шагая в блистании золота, завалившего витрины целой торговой улицы. – И какие здесь приветливые люди...

Да, здесь обретались счастливчики, приехавшие за долларом, эквивалентом их последующих судеб, из глуши дальних поселений, из серых городов, куда им надлежало вернуться чванливыми и богатыми, сделав заветный прыжок через пропасть, отделяющую раба от господина. И они предвкушали эту заветную трансформацию.

Впрочем, об этом Абу не сказал жене, лишь снисходительно и тепло улыбнувшись ее восторгам. Да и о чем говорить с женщиной? Она понимает язык поступков, а не пространных и скучных рассуждений.

Он выбрал для Мариам изящное золотое кольцо; расплатился ворохом блеклых дирхам, ловя на себе ее восхищенный и заискивающий взгляд; торговец-индус – важный и невозмутимый сикх в чалме, вежливо поклонился ему, как бы признавая его арабское главенствующее начало перед собой – пришельцем с сомнительным религиозным признаком; а Абу, невидяще глядя сквозь витринное стекло, за которым тянулись, заваленные товаром, нескончаемые торговые ряды, вдруг ощутил в себе саднящее беспокойство.

Он всегда доверял этому чувству, словно предупреждающему: стой! – осмотрись, что-то случилось, где-то уже притаилась опасность, готовая ринуться на тебя из тени за твоей спиной...

Властительный дядя в последнее время выглядел удрученным, говорил мало и неохотно, на свадьбе не скрывал подавленности, и все это расстроило Абу: если родственник попал в опалу к Саддаму, о чем ходили слухи, – значит, он оказался над пропастью. Любое подозрение тирана, и ты – ничто, корчащийся в каменном мешке окровавленный сгусток страдания и стонов.

Сюда, в Эмираты, Абу летел, испытывая захватывающее чувство свободы, словно бежал из тюрьмы, и это тоже было своего рода предчувствием, как и то, что, руководствуясь неясным наитием, он взял с собой жену, и более того – уговорился со своим доверенным лицом о тайной связи и паролях, способных донести до него ситуацию на родине, когда он покинет ее.

Он позвонил другу, услышав то, чего опасался: дядя арестован, а ситуация на службе Абу тревожная и двусмысленная.

Поеживав с Мариам в небольшом ресторанчике в центре города, он отвез жену в отель, сказав, что скоро вернется. Ему хотелось побыть одному, отрешенно и взвешенно оценив все опасности.

Здесь, в Эмиратах, на связи у него было трое агентов, незнакомых друг с другом. Кандидатуры двух согласовывались в инстанциях, одного же, вопреки всем служебным положениям, он утаил, держа на личной связи. Несколько таких же агентов, а вернее, доверенных лиц, жили в Бейруте и в Палестине. Ему было на кого опереться, уйди он на нелегальное положение за рубежом.

После ареста дяди его положение безусловно менялось: родственники предателя, а именно таковыми считались попавшие в немилость к Саддаму, не могли занимать сколь-нибудь заметное положение в государстве. Но он, Абу, был не просто родственник, а сотрудник разведки. Оставлять его в системе никто бы не решился. Если же за дядей – обвинение в государственной измене, столь предпочтительное в своей формулировке для контрразведки, ее палачи непременно начнут искать сообщников. Или же придумывать их, выстраивая конструкцию заговора, чье раскрытие – доказательство их необходимости и вероподданнической деятельности. И в данном случае среди ближайшего круга знакомых изменника весьма уместна фигура его родственника из секретного ведомства.

Нет, не напрасно волей благосклонной к нему судьбы Абу оказался здесь, в цветущих Эмиратах, не зря его интуиция шептала о невнятных угрозах, не просто так он сохранял для себя личных агентов, не отчитываясь о вербовках; все его поступки сошлись, как подогнанные друг к другу камни на единой нитке в четках. И нить была прочна.

Вечером ему предписали явиться завтрашним днем в посольство – на территорию, где с ним могли сделать все, что угодно.

Ночью, спустившись на лифте с Мариам в подвальный этаж отеля, он открыл ведущую в задний дворик дверь. Сонные улицы источали аромат цветов бугенвиллии, гроздьями свешивающейся с беленых каменных заборов. Хлопотливо стрекотали цикады. Прозрачный месяц истаивал в беззвездной фиолетовой глубине.

Все это было мигом свободы, осознанным им трепетно и тревожно. Но – только мигом, ибо, сбросив с себя одни кандалы, ему предстояло незамедлительно удручиться другими. И он это обреченно и беспомощно сознавал.

Мариам все поняла, но не задала ни одного вопроса. Только глаза ее были влажны и печальны. Но тонкие нежные пальцы, лежавшие в ладони Абу, отзывались сосредоточенным и успокаивающим пожатием.

Он выбрал себе верную и умную жену.

ВЕЧЕРНИЙ РЕЙД

Их можно было смело назвать организованной преступной группой, хотя к такому определению каждый из них отнесся бы с изрядной долей скепсиса. И в самом деле, – чем они занимались? – мелочовкой, магазинными кражами, да и то в свободное от основной работы время.

Все трое обитали в Бруклине, в районе русскоязычной эмиграции Брайтон-бич, хотя легальным статусом обладали двое: профессиональный вор Марк и бывший капитан-морпех Виктор; третий – Юра Жуков, – в прошлой советской жизни, – бывший десантник, уже десять лет проживал в Америке нелегально, ничуть, впрочем, не удручаясь подобным своим положением.

Виктор работал менеджером в огромном супермаркете «Стоп энд Шоп», что означало «остановись и купи», Юра трудился строительным рабочим, специализируясь на укладке паркета и электрике, а Марк занимался исключительно криминальными деяниями, в которые год назад вовлек вышеозначенную парочку.

Сплоченное трио работало виртуозно и осечек в своей деятельности не допускало. Порою им удавалось невозможное: к примеру, кража камер внутреннего наблюдения.

В данный момент проржавевший трудяга «вэн» вез лихую тройцу в пригород Нью-Йорка, за аэропорт Кеннеди, к месту сосредоточения нескольких торговых центров.

– Сегодня выхожу на дежурство в ночь, – озабоченно говорил Виктор, поглядывая на свой фальшивый «ролекс». – Хорошо бы нам управиться до восьми вечера, если хотите взять продуктов; после восьми публика сваливает, зал прозрачный, будем как на ладони...

Юра и Марк молча кивнули. Пожелание приятеля в комментариях не нуждалось. Вечером Виктору предстояло облачиться в голубенький нейлоновый халатик с опознавательной биркой на груди и встать на пост возле касс супермаркета, регулируя поток покупателей и собирая скопившуюся наличность. В это время подельники, блуждая по огромному, как стадион, залу, заставленному стеллажами со всей мыслимой и немыслимой пищевой продукцией, должны были доверху набить объемистые телеги самыми дорогими деликатесами, чтобы в итоге двинуться к проходу, курируемому приятелем.

Далее менеджеру вручались платежные карточки, следовали определенные манипуляции, имитирующие процесс расчета, после чего, снабженные липовыми чеками, Юра и Марк спокойно катили тележки напрямик к машине.

– Значит, так, – обращаясь к Юре, продолжил продуктовый менеджер. – Мне возмешь два фунта тигровых креветок со льда, больших – джамбо, не надо, слишком они здоровые, птеродактили прямо какие-то... А, вот! Гусиный паштет в кулинарном отделе – тоже два фунта, ну... икорки, стейки рыбы-меч...

– Ну, понял, понял, все, как обычно, – откликнулся Жуков, вольготно раскинувший свою мускулистую двадцатикилограммовую тушу на заднем сиденье машины и все это сиденье своей персоной занимавший. На его плоском лице с квадратной челюстью искрились веселой хитрецой узкие зеленоватые глаза.

Взгляд Виктора – плечистого, сухощавого брюнета, напротив, был угрюм, темен и нес в себе привычную стылую угрозу.

– Чего-то не нравится мне мой старший, Джон, поосторожнее сегодня надо выносить, – продолжил он. – Чуйка у меня: просек этот негритос наши завихрения...

Марк повернул к товарищам аккуратную, коротко остриженную голову. Задумчиво погладил глубокий шрам, пересекавший щеку.

– С «шахтером» надо поаккуратнее, – согласился озабоченно. – В случае чего – сделаем перерыв. У меня Зинка кассиром на Брайтоне, тоже бери, чего хочешь...

– Дама в доле? – спросил Виктор.

– Какая еще доля... – горестно вздохнул Марк.

– Так ты это... за продукты – натурой? – понятиливо расхохотался Жуков.

– Вообще-то – из элементарного уважения к нелегкой судьбе одинокой женщины, которой уже не сорок, но еще не пятьдесят, – сказал Марк. – Так что все красиво. Я вспоминаю семь лет кошмара фиктивного брака, вот это – да! То есть брак был фиктивен для меня, но отрабатывал я его до получения юнайтед-стэйтс-паспорт совсем не фиктивно! А там возрастная категория переваливала за полвека, и было много эстетических неудобств, преодолеваемых силой воли и самогипнозом. Подход к снаряду – пять баллов, отход – полбалла, там это не проходило!

– И как же она при таком раскладе тебе развод дала? – любопытствовал Жуков.

– А тут все просто. – Марк осторожно парковал «вэн» на стоянке перед торговым комплексом. – У этой козы шесть миллионов на счете имелось, и я вполне на них мог претендовать... А она ни единой пустой бутылки не выбрасывала – в пакетик, и – за пять центов в автомат их носила... И с пустой тарой в фитнес-центр ходила – там бесплатная пресная вода. Потому прикинула она финансовые риски и на развод согласилась без лишних базаров. И известный вам домишко мне в Бруклине отписала. В оплату семилетнего сексуального рабства. Кстати, на прощание сказала, что мальчики по вызову обошлись бы ей куда дороже. И даже предложила продолжить отношения на строгом финансовом принципе.

– Так что у тебя всегда есть резервный вариант подработать? – спросил Виктор, рассовывая по карманам рабочий инструмент, – кусачки и лезвия, – ими отрезались бирки с защитными чипами, ориентированными на охранную сигнализацию при выходе из комплекса.

– У меня много резервных вариантов, – сосредоточенно процедил Марк. – Ладно, пошли, действуем по плану. Лишку не грузите, выносить мне, а у меня шов плохо зарос...

Недавно Марк перенес операцию по удалению аппендикса и вынужден был сделать некоторый интервал на поприще магазинных хищений, сопряженных с перемещением порою внушительных грузов. Его же миссия в трио была наиболее ответственной и опасной: он осуществлял завершающую фазу операции в выносе краденого товара с торговых площадей. Подобную роль обуславливали несколько обстоятельств: во-первых, в отличие от подельников с их бандитскими физиономиями и шкафообразными фигурами на лице Марка, пусть и отмеченного ножевым шрамом, лежала печать некоего благородства и интеллекта, а взгляд больших серых глаз был младенчески и распахнуто честен; во-вторых, он говорил на безупречном английском; в-третьих, отличался утонченно галантными манерами; и, наконец, в-четвертых, имел медицинскую справку, утверждавшую, что ее обладатель – инвалид по психическому заболеванию и за свои действия отвечает не в полной мере.

Цель операции была определена заранее: вынос самых дорогих бритвенных лезвий. Каждая кассета, вмещавшая четыре лезвия, стоила пятнадцать долларов; коробки, стоящие в глубине стеллажей, содержали таких кассет добрую сотню, оптом сдававшуюся на Брайтоне за шестьсот зеленых, а коробок предстояло похитить десяток, что в итоге пахло наваром в шесть тысяч.

Лезвия в любых количествах и без торга брал околачивающийся на углах Брайтона косматый Лева Шкиндер – продавец краденых часов, бумажников и фотоаппаратов.

Бестрепетной рукой катя сетчатую хромированную телегу по навощенному пластиковому покрытию, отражавшему блики многочисленных ламп, стратег Марк приближался к своей главной цели – закутку с промышленно-хозяйственными товарами, где высились внушительные коробки с кухонной техникой, разборными стеллажами, гладильными досками и, главное, пылесосами. Да, именно этот полезный предмет быта наиболее интересовал хитроумного Марка, однако подобрать подходящий пылесос опять-таки в подходящей упаковке требовало немалых специальных знаний.

Отвечающий нуждам операции аппарат представлял собой внушительную платформу, заключавшую основной механизм и – длинную хромированную ручку, позволявшую комфортно передвигать пылеулавливающий агрегат по заданной поверхности. Таким образом, громоздкая упаковка пылесоса, доходившая Марку едва ли не до подбородка, практически была пуста, ибо платформа занимала ее низ, а направляющая и руководящая рукоять обрета-лась в картонной пустоте.

С разных сторон войдя в проход, где томился Марк, поделники мгновенно извлекли из тележек коробки с лезвиями и сунули их внутрь упаковки пылесоса, заполнив ее практически доверху. Теперь Марку предстояло выдернуть из липкой ленты, таящейся в рукаве, заготов-ленный край, кашлянуть, заглушая треск натягиваемого пластика и – ровно уложить его вдоль разреза, что он и блистательно исполнил.

Виктор и Жуков неспешно покинули торговый зал, выйдя на улицу. Виктор уселся на крыло припаркованного к тротуару «форда», закурил, нервно поглядывая по сторонам. В раз-резе его рубахи из легкого шелка болталась на волосатой груди тяжелая золотая цепь. Крепкие узловатые пальцы, удерживающие сигарету, слегка дрожали, но лицо как всегда было стыло-непроницаемым.

– Ну что? – смешливо крикнул Жуков, кивком указав на магазин, где еще находился Марк. – Вернется камикадзе с задания?

– Чего с ним будет, – отмахнулся Виктор. – Справка «по дурке» в лопатнике, а на крайняк сыграет припадочного, он умеет, мне Жора Спазман рассказывал, они с ним когда-то в паре шакалили...

– А где Жора? – спросил Жуков.

– Сидит, – прозвучал краткий ответ.

– За что устроился?

Ответить Виктор не сумел, слетев с крыла «форда» от удара в задний бампер, нанесенным невесть откуда появившимся «ягуаром».

За рулем «ягуара» находилась респектабельная дамочка, до сей поры трещавшая по мобильному телефону и, видимо, отвлекшаяся от руля.

Озабоченно выскочив из машины, дамочка вначале обозрела повреждения своего транс-портного средства, обошедшие лишь помятым номерным знаком, затем глубокую вмятину на бампере «форда», а после взгляд ее не без опаски остановился на зверских рожах Юры и Виктора.

До друзей донесся аромат дорогих духов, ими тотчас были оценены бриллианты на ухо-женных пальчиках, туфли из крокодиловой кожи, платье из бутика... Затем тоненький голо-сок пролепетал нечто на английском, где звучали слова «страховка», «мне очень жаль», «глу-бочайшие извинения»...

Жуков уже раскрыл рот, дабы поведать, что ни он, ни Виктор не имеют к «форду» ника-кого отношения, но его опередил сообразительный морпех.

– В штате Нью-Йорк, мисс, запрещается говорить по мобильному телефону, находясь за рулем, – назидательным тоном начал он. – Теперь – о страховке. Замена бампера вам обойдется не меньше, чем в пятьсот монет. И если это ваша очередная авария, то страховку повысят до известного вам тарифа...

– Что вы предлагаете? – нервно спросила дама, чей тон и мимика указывали на то, что авария у нее явно не первая и неприятностей с полицией и страховщиками ей и без того хватает.

– Двести долларов – и ваши проблемы в прошлом, – нагло изрек находчивый отставной капитан.

– Вот... – Раскрыв бумажник, она извлекла деньги и с облегчением сунула их в широкую, как лопата, ладонь.

– Удачного вам вечера, – вдумчиво пожелал ей Жуков.

Неприятно газанув, «ягуар» покатило прочь.

– Ну вот, пока ждали, еще по сотенке прилипло, – констатировал Виктор, отдавая Жукову купюру. – Кто-то на ошибках учится, а кто-то на них зарабатывает...

– Я бы сам дал ей двести долларов, – начал Жуков мечтательным тоном, но Виктор перебил его:

– За красивую женскую грудь мы обеими руками, но за две сотни эта фифа и похлопать себя по попе не даст. Убери деньги, Марк едет, а это дело исключительно наше...

Против такой постановки вопроса Жуков не возражал.

Подъехавший Марк был зол, как цепной пес.

– Идиоты! – просипел, едва Юра и Виктор плюхнулись на сиденья. – Не помните, что я вам сказал? Коробку надо класть так, чтобы компьютерный код был обращен к кассе! А вы код низом уместили, кретины! Кассирша со сканером код полезла искать, а он – внизу... Хотела коробку перекапывать, а там сразу ясно, что пылесос в тонну весом... Я ей: извините мисс, женщина не должна ворожать тяжести... И сам этот сундук перевернул с любезной улыбкой...

– Ну и чего? – озадаченно спросил Жуков. – Подумаешь...

– У меня швы разошлись, в госпиталь сейчас едем! – с яростью прошипел Марк. – Подумаешь! Кстати, – неприятно косился он на Виктора, изображавшего удрученность и сочувствие. – Ты чего там за коробки вдгонку затырил? Чего за дела?

– Это... уют, – пробормотал тот и, пожившись виновато, оглянулся на приветливые огни обесчещенного магазина. – Сгорел у меня вчера... А я как раз собирался...

Жуков залился нервным, но жизнерадостным смехом.

– Да ты... – У Марка отяжелели скулы и сузились глаза. – Вообще охренел! Твой уют всего одну кассету с лезвиями стоит! – Он ощерился в сторону морпеха, но затем, видимо, прикинув, что сегодня предстоит навестить бесплатный гастроном, обострять отношения с кормильцем не стал, пробурчав: – Сквалыга... А во второй упаковке что?

– А это – на всех! – с решимостью в голосе сказал Виктор. – Зубная паста, шесть тюбиков. Знаешь, почему взял? Тридцать долларов за тюбик, ты когда-нибудь такую дорогую пасту видел? Какая-то новая...

– Да лучше бы лишнюю коробку лезвий! – раздраженно произнес Марк. – Ты простой, как вода в унитазе. Это про тебя сказано, что экономика не на математике держится, а на человеческой глупости!

Заехали в госпиталь, где Марку наложили дополнительный шов, а после двинулись в «Стой и купи». Виктору отчетливо не хотелось рисковать, но, в свете своей оплошности возражений высказывать не приходилось, и вскоре, облаченный в служебное одеяние, он принимал от партнеров тележки, доверху набитые отборной провизией.

Все сложилось замечательным образом: охрана взидала на манипуляции Виктора с равнодушием, продукты уместились в заднем отсеке «вэна» по соседству с пылесосом, и машина двинулась к дому Марка, где обычно производился раздел трофеев.

Удачный воровской день следовало отметить, а потому Жуков плеснул пиво на дно кастрюли и загрузил в нее креветки, поставив емкость на газ. Марк раскладывал по тарелкам разносолы, группируя их вокруг объемистой бутылки водки.

– Пылесос завтра сдам обратно, потом спущу лезвия, так что вечером можете приходить за монетой, – говорил он Жукову.

– Это кстати, а то я весь в долгах, – кивал тот, засыпая в кастрюлю черный перец и лавровый лист.

– Откуда долги? – удивился Марк. – Работаешь за зарплату, со мной хулиганишь, тебе купюры складировать впору...

– Да Лора все чудит... – кисло промямлил бывший десантник.

Лора являлась его законной супругой.

– Чего чудит?

– Все бабки на ее банковском счету, – пояснил Жуков. – У меня же социальной карты нет, а потому нет и счета... Вот и крутит ими... Я ее тут взял за глотку, гони, говорю, деньги, за квартиру уже три месяца не платим, телефон вот-вот выключат, а она: не дают, мол, их в банке...

– Как это не дают?

– Да я тут... – засмутился Юра, – по пьяному делу глаза ей выколол...

– Чего?

– Ну, в паспорте, на фотографии. И она говорит, что по такому документу денег не дают. Подала заявку в посольство на новый паспорт, а он только через полгода подоспеет...

– Мозги она тебе делает, – сказал Марк. – У нее на лбу печать: «Аферистка». И нашел же ты такое счастье... Или в ней есть какие-то хорошие черты?

– Одна, которая делит жопу пополам, – отозвался Жуков. – Но чего теперь делать? – Он развел руками. – Закопать ее? Тогда денег точно не видать! По морде я ей тут съездил, она в полицию кинулась. Еле замаял дело. А полиция для меня – сам знаешь, что такое. Не успеешь вякнуть, уже в депортационной тюрьме. А дальше – встать, суд идет и – Москва. Кстати, я ей три тысячи баксов простил за синяк. И еще полтинник с меня за интим сняла... Мол, выполняю обязанности в состоянии морального ущерба. Такая сука.

– Завтра бабки получишь, заныкай их понадежнее, – сказал Марк. – А вообще надо выходить на масштабное мероприятие. Надоело с дерьма пенку снимать... Но что придумать? В этом мире лжи и лицемерия уже так трудно кого-либо обмануть!

Звякнул дверной звонок. Жулики замерли, привычно насторожившись.

Марк молча подошел к домофону, нажал на кнопку. В сером экранце возникла размытая в свете уличного фонарика знакомая долговязая фигура Виктора.

– Хо, – удивленно промолвил Марк. – Откуда это он нарисовался?

– Прогульщик, – оптимистично поддакнул Жуков.

Внезапно явившийся прогульщик с порога с горечью выдохнул:

– Ну, все, попали, привет!

– Чего такое? – недовольно спросил Марк, жестом приглашая товарища в гостиную.

– Только вы уехали, наши «тихушники» в зал нагрянули, – сокрушенно объяснил Виктор. – Ну и припутали меня... Джон этот гацкий... У монитора сидел, поняли? За мной сек! Задавлю, гниду! Пойдет, падла, ко дну, без права на всплытие! С отрицательным дифферен- том! Кстати, еще бы минута – и вас бы захомутали, хорошо, вы на резвом старте ушли...

– Дело могут начать... – сказал Марк.

– Как начнут, так и закончат, – проронил Виктор. – Я ж с самого начала знал, что в блудняк влипну с этим магазином, потому по чужой ксиве устроился...

– Тогда надо помянуть «Стоп энд шоп», – сказал Марк, глядя, как Жуков раскладывает половником по тарелкам дымящиеся креветки.

Застолье затянулось до позднего вечера. Обсуждались перспективы дальнейших деяний, то бишь, чтобы такое украсть, дабы заработать, произносились краткие тосты за удачу и процветание, сетовали на возросшую бдительность полиции и всяческих фискальных органов в свете борьбы с терроризмом и нелегальной эмиграцией.

– Они сами этот терроризм и придумали, – умудренно говорил Виктор. – Им теперь деньги куда-то вкладывать надо, вот и конопатят мозги...

– Да вообще тут Советский Союз строится, – соглашался Марк. – Абсолютно мусорская страна стала, не продыхнуть...

– И, кстати, во всем мире смертную казнь отменили, а тут – хренушки, – продолжил критику американского империализма морпех. – Я, конечно, не имею в виду всяких арабов и другие малокультурные расы, где царит террор и реакция...

– У нас смертников раньше хоть на ядерные рудники отправляли, – сказал Жуков. – Все гуманнее...

– Гнилая байка, – возразил Виктор. – История для лохов. У нас для этого в Союзе существовали исполнительные тюрьмы. Несколько. Одна, точно знаю, Новочеркасская, под Ростовом-на-Дону. Там работал палач. Штатный. Причем перед расстрелом обязательно температуру мерили...

– Палачу? – недоуменно спросил Жуков.

– Не, потерпевшему... То есть этому, кого казнить собираются. Если температура повышенная, то надо сначала вылечить...

– Слушай ты, сказочник, – холодно сказал Марк, – хорош брехать, о чем не знаешь. Никто никого в Новочеркасской тюрьме не стрелял. А везли оттуда напрямую в Ростовское УВД. Въезжали через отдельный шлюз. И вот там-то была исполнительная камера. Стены обшиты резиной. Умывальничек. И находилась камера прямо под кабинетом начальника УВД. Хотя почему – находилась? И до сих пор там находится. В законсервированном состоянии. А последним кончали в ней маньяка Чикатило. Теперь – о палаче. Их не один, а много. И не обязательно местные. Некоторые в командировки из Сибири в тот же Ростов ездили. Имею в виду ментов. И у каждого за время службы по шесть исполнений – максимум. Потом психологи с ними работали... А один говорит: на хрена мне ваш психолог, давайте я еще парочку злодеев хлопну, теряем время...

За столом повисло молчание. В тоне Марка сквозила такая ленивая уверенность в своих словах и такое безусловное знание предмета, что и Виктор, и Юра почувствовали не то чтобы страх, но явственное внутреннее неудобство.

– Откуда... знаешь? – стесненно кашлянув, спросил Виктор.

– А! – безмятежно отмахнулся Марк. – С кем только судьба не сталкивала... Был один хороший знакомец, знавший, как и что... Который как раз температуру мерил... Ладно, ребята, пора отдохнуть, разбирайте продукты и – враспынную... – Чувствовалось, он понял, что сболтнул лишку, посеяв сомнения в умах собутыльников, и теперь пытался сгладить впечатление от своего внезапного откровения. – Кстати, – указал на упаковку с пылесосом. – Утюг свой не забудь, и пасты мне два тюбика обещал...

– Это можно, – согласился Виктор, доставая упаковку.

– Так-с, что за паста? – Марк повертел в руках тюбик. Губы его тронула снисходительная улыбка. – Дорогая, говоришь?

– Охренеть! Стоит, как чугунный мост!

– Правильно, этого тюбика года на два хватит.

– Концентрат? – догадливо поинтересовался Жуков.

– Ага. Это для смазки зубных протезов, чтобы лучше держались, вот для чего этот гель, – сунул Марк тюбик обратно Виктору. – Впрочем, оставь себе, может, пригодится...

– Читать надо было сначала, а то тащит все, как сорока! – возмутился Жуков.

– А ты?! – выпятил челюсть морпех. – Прошлый раз дезодорант свинтил, хороший, говорит, спрей, на тебе в подарок, дружбан, а я, не разглядев, обдал себя после душа... И закаменел, как статуи в парке культуры. Там лак для волос оказался, я две мочалки о себя ободрал вместе с кожей и чесался неделю... Так что глохни, подстава ходячая!

Попрепившись еще с пяток минут, начали расходиться.

Очутившись на улице, Виктор и Юра побрели в сторону набережной – жили они в домах по соседству, у самого океана.

– Слышь, – покосился морпех на приятеля, – а о расстрелах-то он как говорил, а? Будто сам...

– А может, и сам, – спокойно отозвался Жуков. – Кто его знает?

– Но тогда какой он блатной? Тогда он – мент! – с напором продолжил морпех.

– Да хоть бы и так, тебе что за разница? Мы тут все одинаковые в этой Америке, что менты, что уркаганы. Ты чего-нибудь плохого от него видел? А все эти блатные «понятия» и чиха не стоят. Их воры выдумали, чтобы в первую очередь ту братву, что под ними, разводить. Кстати, к любым верхам законы не очень-то и относятся. А вор чего хочет? Имею в виду вора авторитетного. Власти. И дай ему реальную власть, куда он денется без своей полиции? А кого шефом полиции назначит? Своего же удобного ему жулика. И думаешь, не пойдет такой жулик на ответственный пост? Пойдет. Только предложи. Да и открутится по понятиям: пошел, мол, чтобы больше украсть...

– Как твоя-то? – перебил рассуждения товарища Виктор. Близость к дому ассоциативно подтолкнула его обсудить дела семейные. – Деньги тебе вернула?

– Да хрен там...

– Моя тоже чудит...

Жена Виктора Марина, дама с университетским образованием, работала на престижной должности в крупной американской компании, и отношения супругов с некоторыми пор отличала натянутость, – дипломированный специалист, она тяготилась жизнью с грубым и пошлым, находящимся внизу социальной лестницы супругом.

– Она у американцев сейчас много чего нахватается... – многообещающе изрек Жуков.

– Уже нахваталась! – с горячностью поддакнул Виктор. – Тут представляешь... – Он остановился, дернув товарища за рукав. Возмущенно выпучив глаза, поведал: – Купила себе трусы... Какие-то, твою мать, непонятные, резинка в кружевах... – Расставив ноги, выразительно провел ребрами ладоней по паху. – Ты понял? Зачем ей такие трусы? Я вот не понял... Хотя подозреваю.

– Будут сложности, – прокомментировал Жуков.

– Н-да... Хорошо, я зарплату за неделю получил, – невпопад отозвался Виктор. – Ну, в «Стоп и шоп». А вот куда теперь приткнуться – не представляю...

– Жизнь сама направит, – сказал Жуков. – Причем в самом непредсказуемом направлении.

Через несколько минут, поднимаясь в лифте на свой этаж, он забыл эти слова, и уж совершенно не представлял, насколько пророческими они окажутся в отношении его собственной персоны через какие-то два дня.

МАКСИМ ТРОФИМОВ

Нас было пятеро, их – десять. Мы возвращались с разведздания, продвигаясь по лесополосе, ступая неслышно, мягко раздвигая хлесткие ветви, и профессиональная выучка не подвела: в распадке, поросшем сочной июньской травкой, покидав по сторонам автоматы, предавались походной трапезе бородачи в камуфляже – десять относительно беззащитных на сей момент головорезов.

Обсуждение ситуации никому из нашей пятерки не требовалось. Обзор противника, секундный анализ его близости к оружию и – мгновенный вывод: перед нами – боевое подразделение, и малейший промах, допущенный нами, то бишь – любой шорох, слово или звяк, сулят неизбежный бой с неизбежными потерями, а удержание преимущества и грамотная подготовка к бою, а вернее, к бойне – такую же неизбежную и легкую победу.

Помог один из бородатых, что-то бубнивший в микрофон рации. Оторвавшись от наушников, он высказал соратникам полученное им сообщение, боевики радостно загалдели, и это дало нашей пятерке возможность рассосредоточиться по огневым позициям и определить индивидуальные цели. Каждому – по две.

Мне достался радостный радист и какой-то парень, показавшийся отчего-то знакомым, хотя на раздумья, где я мог его видеть, времени уже не было. Бухнул, утонув в череде себе подобных, первый выстрел, разнеся голову «знакомца», прицел переместился на радиста, дернувшегося к оружию, и тут уже было не до снайперской изощренности: я твердо зафиксировал верхнюю часть корпуса с запасом его перемещений в пространстве, и вновь вдавил спуск. На деле эта пара выстрелов едва ли заняла две секунды.

Да, две секунды. И десять мертвых тел. Прости нас, Господь! Мы не могли иначе. Не поручусь за всех, но лично я куда бы с большим удовольствием пленил врага и передал его в соответствующие инстанции, но, во-первых, вряд ли бы враг такое позволил, а во-вторых, тащить боевое отделение противника по горам, кишащим его друзьями, – занятие благородное, но неблагодарное. Хотя на всякий случай у каждого из нас припасены притороченные к поясам наручники. Но это на тот случай, если зацепим каких-нибудь подозрительных хмырей поблизости от позиций федеральных войск.

Рация еще работала, и когда я приложил наушник к щеке, различил взволнованный и очень близкий голос с вопросительной интонацией, что мне не понравилось, – значит, выстрелы и, вероятно, предсмертные выкрики долетели до ушей противника. Теперь нам предстояло спешно уносить ноги, ибо новичку ясно, что связь велась с базовым отрядом, возможно, располагавшимся неподалеку.

Я подошел к «знакомцу», лица которого, впрочем, теперь не смог бы узнать и самый ближайший родственник. Собственно, лица как такового не было, сплошное месиво. Рядом с трупом лежали очень полезные вещицы: бронежилет, камуфляжная курточка с тонкой шерстяной подкладкой, с иглочки, и – отечественный «калаш» со сдвоенными магазинами, перехваченными изолентой.

Я примерил куртку, скинув свою – пропотевшую, с лоскутами прорех, полученных от двух ночных неудачных падений на горных тропах. Ощупал карманы. Так... Паспорт... Ого, британский...

– Похоже, – кивнул мне лейтенант Рогальчук – лобастый конопатый дылда, с интересом изучающий плоские и, сразу видать, дорожные швейцарские часы, снятые им с радиста, – завалили мы, братцы, подданного Ее Королевского Величества... – Хе, – продолжил не без удивления, взглядевшись в фото на паспорте. – Томас Левинтон... На тебя, кстати, Макс, смахивает. Точно!

Вот откуда этот момент узнавания... Да, парень похож на меня. Был похож. Не скажу, чтобы уж очень, но что-то такое...

– Двигаем! – донесся голос командира.

– Сколько еще до наших-то ковылять? – донесся риторический вопрос.

Ответ командира был уклончив, хотя и оптимистичен:

– Не переживай, в любой лес мы заходим максимум до середины, а после мы уже идем из леса...

И опять мы двинулись путаными тропами через враждебно тыкающиеся в лицо ветви, и каждый ощущал тревогу каждого: мы явно и серьезно засветились с этим побоищем, а впереди двадцать горных километров до базы.

Лично же я – **Максим Трофимов**, капитан спецназа ГРУ, прошедший все чеченские войны без единого ранения и считавшийся счастливчиком, находился в данный момент в самом бесперспективном положении среди своих боевых сослуживцев. На текущем отрезке времени рисковали мы все одинаково, но если те, кто шагал рядом, предвкушали все прелести казармы – горячую жратву, двести грамм, а то и всю поллитру, а затем – уютную койку аж с простынями, то я таковыми видениями будущего не утешался. Наоборот, полагал, что ждет меня не халва с мандаринами, а хина и плесень... И, ступая десантными башмаками с мыска на каблук привычной бесшумной походкой, вминая в травку прошлогодний ветхий лист, думал о будущем, не предвещавшим ничего хорошего. И прогноз моих скорых и неотвратимых неприятностей мог бы сделать и самый тупой обыватель, сознающий элементарную ответственность за незаконное хранение оружия. В домашних, естественно, условиях. Сознавал я ее, ответственность? Да. Но так, отстраненно. Подобно моим друзьям, перетаскавшим из воюющей Чечни в мирную Москву горы опасного железа благодаря личным связям с нужными контролирующими инстанциями в военном аэропорте... Кто-то, может, стволы и для продажи «конрабасил», но в основном везли для себя. Руководствуясь «сувенирным синдромом», вероятно. А ведь действительно, – какая страна, такие и сувениры. Из страны Чечни лично я притащил немного, но и немало: «кедр», «калашников», – это автоматы; ТТ, «макаров» и «глок» с заводским долгоиграющим глушителем. Ради чего? Чтобы потешить мужское самолюбие, да и вообще, дожив до старости, поглаживая неверной рукой вороненую сталь и высокопрочный пластик, умиляться воспоминаниями? Нет, скорее я руководствовался расплывчатой, но практического свойства мыслишкой: время на дворе беспокойное, вдруг чего, а тут «чистый» ствол – надежда и опора...

А дальше злой дух, кто эти мыслишки нашептывал и к авантюризму подзуживал, вел уже свою работенку по накатанной колее... Вот кто все детально, долгосрочно и без осечек спрогнозировал! А мне бы и одной осечки хватило для полного счастья, и дорого бы я за эту осечку дал! Но пистолет «глок» на нее, увы, не сподобился...

Дело же было так. На выходные я с подругой Татьяной поехал на дачу. Дача у меня папина, в советские времена построенная, участок десять соток, и выходит участок на край глубоко заболоченного леса. Еще с незапамятных времен поставил папа в пролет забора, выходящего на эти безлюдные хляби, толстенный щит из обитого жестью бруса. На щит крепились мишени, и я, малолетний стрелок, лупил по ним из духовушки, постигая азы стрелкового мастерства; потом, сообразно моему растущему возрастному цензу, папа доверил мне находившийся в его владении мелкокалиберный пистолет, и под родительским контролем я начал осваивать навыки пулевой стрельбы.

Затем я отслужил в армии, папа умер, пистолет куда-то заделался, а щит как стоял, так и остался стоять. Бумажный рулон поясных мишеней хоть и покрылся легкой плесенью, и пожух, валяясь без дела на шкафу в одной из комнат, но дошло до него: заставил меня развернуть его злой дух!

«Глок» я только что привез из Чечни, и на дачу его взял не без повода: спрятать в тайнике. Тайник оборудовал еще батя, там он держал мелкашку и два кавказских кинжала, оставшихся мне в наследство – хорошие клинки еще девятнадцатого века, – боевые, без украшательских изысков.

Тайник, в общем-то, прост: стены гаража секционные, двухслойные, заполненные пенопластом; одна секция со съемной панелью. За нее было предназначено кануть «глоку», но сначала «глок» должен был выстрелить!

Танька – баба заводная, с характером авантюрным, – рыжая и голубоглазая бестия, – отчего-то испытывала к оружию абсолютно неженскую страсть и вцепилась в этот «глок» мертвой хваткой, после чего заныла: мол, дай хоть разок стрельнуть, любимый...

Мне было жаль дорогих импортных патронов, но парочкой из них я решил пожертвовать, – как не уступить даме в предвкушении ее ответных услуг?

Нужно заметить, что до момента приготовления к прицельной стрельбе мы угостились шашлыками и разнообразными спиртными напитками у нашего соседа по даче дяди Левы, и находились в легкой степени опьянения, чем все и сказано.

Татьяна изготовлялась к стрельбе, палец ее уже давил на спуск, когда скрипнула глухая входная калитка, возле которой я оставил грабли; затем услышался короткий мат, мы с Таней синхронно обернулись, и прежде, чем я понял, что к нам притащился по неведомому поводу сосед дядя Лева, наступивший на долбанувшие ему по лбу грабли, шелкнул затвор «глока», выбросив гильзу, и сосед, вновь повторив нецензурное слово, вывалился навзничь за пределы двора.

Меня обдало как горячечным жаром. Я выбил «глок» из руки Татьяны и поспешил к поверженному телу. На рубашке дяди Левы расплывалось кровавое пятно.

Далее события понеслись вскачь. Страх и растерянность сменились некоторым облегчением, когда выяснилось, что пуля навывлет пробила край грудной мышцы и опасности для жизни ранение не представляет. После моя подруга, работающая медсестрой в военном госпитале, отзвонила знакомому хирургу, с истерикой в голосе описала ему произошедший кошмар, присовокупив, что сегодня точно не ее день, не Татьянин; хирург срочно прибыл к пострадавшему, оказал необходимую помощь, оставил нам столь же необходимые медикаменты для дальнейшего лечения и отбыл обратно.

Дядя Лева – крепкий милицейский пенсионер, друг покойного папаши, произведенные над ним процедуры перенес относительно спокойно, хотя не без злобных матерных комментариев, конечно. Мужик он язвительный, вредный и жадный, но долгое наше соседство сыграло свою положительную роль: автора выстрела он не рассмотрел, вину я взял на себя, а сдавать меня он не собирался, хотя сразу же заявил о необходимости денежной компенсации.

Размер компенсации уточнился на следующее утро, когда мы с Татьяной, проведя незабвенную ночь, явились под его испытующие очи.

– Десять тысяч долларов, – вместо приветствия молвил дядя Лева.

Сторговались на пяти. Как раз пять тысяч трофейных долларов, изъятых с трупа одного из бандитов, я привез из командировки. Но потратить их мне была теперь не судьба.

Я рассчитался с соседом, полагая, что лучше было съездить на эти деньги не на дачу с кривобокой печкой, а на какие-нибудь острова с кондиционерами и джакузи.

Потом минуло воскресенье, а заодно и мой отпуск, и я вновь отправился в беспокойную Чечню. Там-то меня дядя Лева и достал!

Под вечер, когда я культурно отдыхал с друзьями, поедая баранину под гитарный перезвон и стук стаканов, позвонила Татьяна. И с первых же ее слов я понял, что вляпался в глубокую яму с дерьмом до краев...

Нет, дядя Лева не намеревался нарушить наш добрососедский договор, ни в коей мере не намеревался! Однако, навестив сбербанк, куда понес свой гонорар за бытовое ранение, был в

данном учреждении задержан, препровожден в отделение милиции, где ему доходчиво объяснили, что пять тысяч долларов, которые он пытался сдать на ответственное и взаимовыгодное хранение, оказались высококачественной фальшивкой, и теперь следует объяснить природу происхождения данных нехороших дензнаков.

Тут дядю Леву, заслуженного милиционера, отсидевшего в обезьяннике с хулиганами, проститутками и бомжами, понесло в даль признательных показаний без намека на тормоза. И я его понимал. Сначала граблями по башке, потом пуля едва ли не в сердце, а после подстава с американскими тугриками! В общем, дядя Лева сдал меня, что называется, по описи. И радостные менты, прихватив умную собачку, тут же нагрянули ко мне на дачу, обнаружив мой сверхнадежный тайник со всем огнестрельным арсеналом.

– Макс, – прочувственно сказала мне подруга, – прости, конечно, но мне пришлось подтвердить: стрелял ты... Случайно, естественно...

– Ну, так оно и было, – подтвердил я, понимая, что разговор вполне могли фиксировать, а неприятностей Таньке я не хотел.

Буквально через час меня вызвал командир, сказав, что по поводу моей персоны ему пришла телеграммка из Москвы, – дескать, отправить меня с первым же бортом в столицу. Я честно обрисовал ему ситуацию, на что получил задумчивое резюме: давай-ка завтра двигай в тыл врага, будет неделька форы на раздумье, а там – посмотрим...

Ну и чего смотреть? Побыл я в тылу и возвращаюсь из этого тыла. А, вернувшись, полечу в направлении тюрьмы. С наилучшими характеристиками – единственное, что утешает.

Главное, не брать на себя контрабанду. Оружие приобретено мною или же найдено в Москве. Фальшивые доллары? Ну, всучили их год назад при продаже автомобиля. Остается незаконное хранение огнестрельного оборудования и неосторожное нанесение телесного повреждения. С дядей Левой на материальной почве, думаю, сойдемся, денег под займу, накатает он бумагу об отсутствии претензий и, приняв во внимание два моих боевых ордена и три медали, влепят мне условный срок...

Вот такая оптимистическая трагедия. Остается, правда, много всяческих «если» и «но». И зависят они от упертости следствия, прокуроров и судей. И коли будет упертость, будет и основательный срок. Но и при самом благоприятном развитии событий в ГРУ меня держать не станут, это даже не обсуждается, и – куда подаваться? Специальность в дипломе у меня специфическая: «Командир диверсионно-разведывательного отряда». С ней только в частные охранники. Но с судимостью в охранники устроиться весьма проблематично. Короче, как ни крути, а прошлая жизнь со всеми ее достижениями и планами уже неотвратимо катится под откос.

И угол наклона этого откоса неизвестен.

ГЕНРИ УИТНИ

Я так и знал, что этой икебана из безответственных дураков и лодырей, именуемой моим семейством и прислугой, нельзя доверить присмотр за какой-нибудь черепахой в аквариуме, а уж что говорить про надзор над семилетним, гормонально-возбужденным котом! Они мне напоминают вентиляторы, – крутятся весь день, а толку – один ветер.

Да, я специально отказался кастрировать Патрика, – в конце концов, это надругательство над природой. Да, к ночи он лбом вышибал входную дверь и орал как ошпаренный, стремясь к свободе и к неведомым подругам, но ведь поутру всегда приходил обратно – благодатный и смиренный, пускай порою ободранный конкурентами и изгвазданный, как пехотинец после полевых учений. Всего-то дел: помыть кота и обработать его царапины. Согласен: Патрик благодаря своим сиамским кровям обладает нравом решительным, бескомпромиссным, и ближние мои его всерьез опасаются, ибо, что не по нему – он превращается в монстра, способного сигануть на высоту человеческого роста и разорвать все, что попадется под его мощные клыки и бритвенной остроты когти. При этом его не устрасит никто и ничто: помню, как он загнал в угол пнувшего его телемастера, и тот, обливаясь кровью, визжал от ужаса, покуда не пришел я и не утихомирил своего паршивца. Но дело не в этом. Можно, в конце концов, надеть перчатки и втроем его удержать. Один – голову, второй и третий – лапы; четвертый, шофер, к примеру, в это время вполне способен дезинфицировать рану, от которой и пошло заражение.

Нет! Едва я отлучился из дома, эти болваны напрочь забыли про моего кота! И всю неделю, покуда я находился в Англии, Патрик был предоставлен сам себе. Лишь когда дело дошло до предсмертных конвульсий, они вызвали врача, сказавшего, что надежд практически нет. Я побросал все и вылетел в Вашингтон. Перед глазами же стоял мой красавец кот. Он красив и огромен. Палевый, с голубыми глазами, черно-коричневой мордашкой и такими же чулками на мощных приземистых лапах.

Мы живем за городом, в замкнутом поселке с большими участками, и здесь, под сенью вековых дубов, на солнечных лужайках, Патрику раздолье. Если бы еще не соседские коты и собаки. Собак, впрочем, Патрик не боится. Напротив, все псы в округе, поджав хвосты, убегают восвояси, только заведя его, забияку. Соседскому ротвейлеру он задал такую трепку, что дело едва не кончилось судом, хорошо, хозяин собаки мне прекрасно знаком – мы с ним когда-то служили в ЦРУ и теперь захаживаем друг к другу в гости.

Мой бедный кот! Он лежал на подстилке, застеленной простыней, редко и тяжело дыша, но, заслышав мой голос, открыл глаза и посмотрел на меня с такой тоской и отчаянием, что сердце мое оборвалось.

Я не отходил от него, поглаживая бедовую головенку, – крутолобую, с многочисленными шрамами от былых стычек и с содроганием смотрел на свежую повязку, наложенную врачом. И во взоре Патрика отчетливо читалась и благодарность, и радость встречи со мной, и надежда.

По-моему, старея, я становлюсь все более сентиментальным и придаю главенствующее значение тем вещам, мимо которых раньше бестрепетно проходил мимо. Хорошо это или плохо – не знаю.

Я позаботился о том, чтобы толстая Клэр, в чьи обязанности входила стряпня, отныне стала сиделкой; далее договорился с ветеринаром о его следующем визите и об услугах медсестры, должной делать регулярные уколы и чистки раны. Отдавать Патрика в госпиталь я не пожелал – он должен находиться в своем доме, с близкими, а не в какой-то ужасной клетке, рядом со страдающими животными.

Затем я устроил большой разнос. Досталось всем. И жене, и дочери, и сыночку, не говоря о прислуге. Досталось даже охраннику, хотя парень был со мной в Лондоне и повлиять на

случившееся не мог. С другой стороны, профилактика не повредит. Пусть бездельники знают свое место!

Жена Барбара лепетала, что не различила в поведении Патрика ничего настораживающего, а рану просто не разглядела. Естественно! Тщательно она разглядывает только свою физиономию, бриллианты и платья, которых у нее хватило бы на десяток бутиков!

Уткнувшиеся в свои компьютеры дочь Нина и сын Марвин вообще продемонстрировали вопиющую отстраненность от произошедшего, – дескать, кот признает только меня, их не воспринимает вовсе, к тому же существует прислуга, а они заняты куда более весомыми проблемами.

Какими еще проблемами?! Сидеть день и ночь, упершись носами в бездушные мониторы? Впрочем, тут я не совсем прав. Нина – целеустремленная девочка, ей двадцать пять, она искусствовед, окончила университет и ныне учится на режиссера, желая голливудской карьеры. Что же, я не против и помочь ей, связи с серьезными продюсерами у меня есть. Она очень красивая, с великолепной фигурой, ясными голубыми глазами, обожает теннис и плавание; единственное, что всерьез заботит меня – стаи настырных женихов, крутящихся вокруг нее, как осы у банки с медом. И еще – ее бесконечные путешествия по миру в компании разного рода балбесов. Что делать там – в этих серых странах Третьего мира? Все есть в Америке...

Я люблю свою страну. Она дала мне все, чем я горжусь. Образование, семью, положение в обществе. Я – глава крупнейших корпораций, член Большого Совета и являю собой часть того организма, отделение от которого сродни ампутации. А таковая вероятна лишь в том случае, если я буду являть собой опасную для организма патологию. Что едва ли возможно, хотя в нашей среде бывали огорчительные прецеденты. Достаточно вспомнить Кеннеди. Но в данном случае проблема заключалась в неспособности вознесшегося на вершину власти человека проявить добрую волю к компромиссу. Хотя – о какой такой вершине власти я говорю? Да и кто такие наши президенты? Эти ребята – чемпионы, выигравшие помпезное соревнование. Это – символы, олицетворения империи, глашатаи власти. Они ничего не решают, и любого из них безболезненно меняет другой, подобно афише очередной премьеры на фасаде кинотеатра. А настоящая власть, наши кланы, не нуждаются в рекламе. Они, как деньги, любят тишину. И, как монархии, а не временщики, обладают преемственностью и не ограничены в полномочиях согласно сроку избрания и волеизъявления тупых масс. Вот оно – главнейшее достижение нашей Системы! Системы, стабильно живущей в каркасе идеологии и экономики, нерушимом и прочном, как гранитная скала! Хотя...

Я прошел в комнату к сыну, потрепал парня, раздраженно отмахнувшегося, по упрямой голове в знак примирения – я вообще-то отходчив в отличие, кстати, от своих домашних; затем прошел в спальню, где у трюмо застал наводящую косметический лоск супругу.

Ее лиловое вечернее платье лежало на покрывале постели. На платье – колье из отборных розовых жемчужин. Судя по всей этой шелухе, она намерилась выбраться в свет.

– Куда-то собираешься?

– Сегодня нас приглашают Джексоны...

О, Боже! Переться к этому отставному сенатору, тупому болвану, выслушивать его излияния о необходимости своего политического воскрешения и о кознях врагов, не дающих ему развернуться... Наши жены, впрочем, дружат и, зацепившись языками, щебечут часами о всяческой муре, не в силах оторваться друг от друга.

– Сегодня я вызван к Большому Боссу, – сказал я веско. – Кроме того, у меня совещание в Вашингтоне и визит в Нью-Йорк.

– Летишь вертолетом? Как я боюсь этих вертолетов...

– На машине мне не угнаться за моим графиком.

– Нет проблем, – отозвалась она, тщательно подводя карандашом края губ. – Я съезжу одна, не привыкать. – В тоне ее сквозило холодное разочарование.

Я помялся, не зная, что сказать. Наконец произнес:

– Думаю, Патрик выкарабкается.

– О, наш бедняжка! – произнесла она с искренним вздохом.

Я подумал, что бы сказать еще. Спросить, будет ли ее сопровождать Майк? Этот красивый тридцатилетний организм с недавней поры – ее неразлучный охранник. Большая молекула.

– Майк едет с тобой? – Мой голос звучал нейтрально.

– Да, а что?! – Барбара повернулась ко мне. В тоне и взгляде ее сквозил явный вызов.

– Ничего... – Недоуменно передернув плечами, я вышел из спальни.

Диалог мог развиваться и по иному сценарию. К примеру, я мог заметить, что мне не очень понятна ее привязанность к этому биороботу с идеальной прической, мужественным лицом и парой извилин в мозгах, если таковые вообще имеются. Однако мой намек на адюльтер получил бы достойный отпор, ибо я, увы, был пару раз по собственной оплошности уличен в похождениях на стороне, и эта «пара раз» вспоминается при каждом удобном случае. В свою очередь, я никакими свидетельствами в отношении неверности Барбары не располагаю, да и располагать не стремлюсь – к чему? Нам обоим под пятьдесят, мы явно охладели друг к другу, близость с ней подчас означает для меня выполнение необходимой обязанности, и это угнетает. Так что ревность в моем положении это всего лишь подозрение в том, что изменяешь не только ты, но и тебе. Да и сколько нашего брата мечтают о женщине, которую могли бы любить, уважать и... обманывать. Почему? Видимо, большинство женщин хотят многого от одного мужчины, а большинство мужчин одного, но от многих женщин.

Чего греха таить, я люблю позабавиться с девочками, а, кроме того, у меня есть любовница и пара устойчивых связей с женщинами, давно и искренне мне симпатизирующими. Одна живет во Флориде, другая – в Нью-Йорке. Эти связи уже практически родственные, и никакими взаимными обязательствами нас не обременяют. Секс в данном случае скучен (по крайней мере для меня) и напоминает естественное приглашение на чашку кофе, когда заходишь к знакомым или в какой-нибудь офис.

Свою жену я люблю и очень к ней привязан. Она хороший и добрый человек. В ней сразу чувствуется порода: предки ее – английские и германские аристократы. Высокая, с прекрасной фигурой, я с гордостью показываюсь с ней на людях. В юности она была просто красоткой, и когда я впервые увидел ее, мое лицо просто жаром обдало. Я сразу же понял: это – моя судьба! Она казалась мне воплощением мечты – сладостным, невероятным чудом. Сам я из довольно простой семьи, выходец из Флориды, где и до сей поры проживают все мои родственники, а Барбара – дочь магната, и в семью его я попал через многие тернии. Меня вообще воспринимали там, как надоедливое насекомое, и, кто знает, отчего ее папаша не прихлопнул меня как комара? Думаю, все решила наша отчаянная любовь. Я, как мой бедолага-кот, стремящийся к своим подругам, вышиб бы лбом все стоящие на пути к ней двери. И, как понимаю, ее покойный отец решил – пускай девчонка поразвлечется с этим дурно одетым провинциалом, которого, увы, придется устроить на приличную должностенку в одной из компаний. А потом бросит его, получив хороший урок. Я, в свою очередь, очень тепло относился и к тестю, и к теще, никогда не зарился на их капиталы и вкалывал без продыха на государственной службе, самостоятельно устраивая свою жизнь. Мало-помалу внимание старика переключилось на меня, и я не подвел его. Постепенно бразды правления его корпорациями перешли ко мне, и мощь их я увеличил на десятки порядков! Уже на склоне лет мой тесть, питавший ко мне безусловные отцовские чувства, ввел меня и в Большой Совет, о существовании которого я лишь неотчетливо подозревал. Точнее, слухи о Совете витали в обществе постоянно, подобно рассказам об инопланетянах, но кто и когда этих инопланетян доподлинно видел? На прошлой неделе, кстати, один тип из телевизора утверждал, что наш президент имел сексуальный контакт с инопланетянкой, и в доказательство ссылался на то, что президент не выступил с официальным опровержением.

Мы с женой просто обхохотались. У нее редко бывает такое веселое настроение, обычно она замкнута, хотя и приветлива. Думаю, тут дело во мне. Она подозревает, что близость с ней для меня в тягость. И это правда, но пересилить себя не могу. Увы, пожилые женщины мне неинтересны.

Мы давно спим с женой в разных комнатах. Так удобнее и мне, и ей. Нас связывает привычка, дети и наше общее состояние. Мы оба подумываем о разводе, и оба знаем, что каждый подумывает о нем, но никогда не заводим об этом речи, даже когда крупно ругаемся. Впрочем, что за праздные мысли о разводах и разделах? Мы вполне ладим друг с другом, а разрываться между семьей и медициной в нашем положении не приходится. Из власть предержащих эту роскошь позволяют себе единицы, но дело, как правило, кончается плачевно. Лично мне достаточно примера британской королевской фамилии. Бедная глупышка Диана, поплатившаяся головой за свою детскую непосредственность... А вернее, за полное непонимание своей ответственности и безответственности, когда она, принцесса, была готова родить брата наследника престола от какого-то безродного, пускай и состоятельного араба. Настоящая аристократка тем и отличается от уличной шлюхи, что знает правила игры и неукоснительно придерживается их. Как человек, пришедший на работу в ЦРУ, уверен, что за нарушение установленных правил ему грозит смерть, так и дама, вышедшая замуж за принца, попадает в особую сферу юрисдикции. Но хорош и этот принц Чарльз, от которого буквально несет кретинизмом... Вот они – закат и деградация монархий, – институтов клоунад, давно утративших свое бывшее сакральное предназначение. Впрочем, их представители, – те же шоумены, они на виду, как павлины в зоопарке, а мы, – имею в виду Большой Совет, в публичности не нуждаемся и отсутствием популярности в массах не тяготимся.

Тут меня поразила мысль: а как же Патрик будет какать? Он же совершенно недвижим... Я вызвал толстую Клэр.

Виноватым голосом (последствия взбучки), она поведала, что кормит Патрика с ложечки и ежечасно меняет ему простыню, ибо писает он регулярно, но никаких распоряжений относительно иных отправок от ветеринара не поступало.

Проклятые бестолочи!

Я позвонил этому коновалу, стараясь говорить крайне корректно, ибо, увы, зависел от его услуг, но участливый спокойный баритон опытного мздоимца ответил, что пищеварительный тракт сам справится с проблемой и никакого дополнительного вмешательства не потребуется.

Меня озадачила такая легкомысленность... Впрочем, что ждать от этих докторов, кроме счетов? Черствые, циничные обезьяны.

Клэр предложила помассировать Патрику живот, но я категорически запретил ей прикасаться к бедному коту, решив выждать время, и с тяжелым сердцем отправился на совещание в Вашингтон. Ничто так не мешает радоваться жизни, как сама жизнь.

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА. ДО 11.09.2001 г

– ... И еще меня крайне тревожит, господа, движение нашей экономики в сторону ее виртуализации. Биржа перегрета и готова взорваться. Отношение капитализации акций наших компаний составляют к реальному росту прибылей подчас сотни процентов!

– Вы преувеличиваете.

– Я не говорю о ваших компаниях, Джонатан. У той же Yahoo данный показатель перевалил за тысячу процентов! И Yahoo – не исключение. Ее примеру следуют практически все предприятия, формирующие индекс NASDAQ. Половина населения страны – держатели акций структур «новой экономики», и я вижу, что их биржевые вождения воплощаются в автономный мир призрачных финансов.

– Уточните.

– Пожалуйста: ценовые тренды существуют вне хозрасчетного фундамента. Причем – повсеместно. При этом доходы тратятся не на развитие бизнеса и технологий, а на манипуляции общественным мнением, презентации, поддержку популярности, и всякого рода воздействия на коллективную психологию держателей акций. В это трансформируется и биржевая аналитика. Портрет нашей экономики – это портрет Дориана Грея.

– Надеюсь, не в финале его карьеры?

– Я тоже на это рассчитываю, но зловещие признаки мы тщательно ретушируем. Мистер Пратт, вы что-то хотели сказать о проблеме информатизации...

– Да, поскольку я представляю авиацию, и о наших новациях с электронными билетами и компьютерным управлением их продажами вы знаете... Но мне хотелось бы расширить тему. Я имею в виду повальную информатизацию производства и перманентный upgrade. Они дают положительный эффект лишь в очень узком экономическом секторе. В широком же плане это почти никак не сказывается на хозяйственных достижениях. Выгоды несопоставимы с затратами на капитализации фирм, работающих на рынке информационных технологий и услуг. Акционеров убеждают, что сдвиги произойдут позже, и, эксплуатируя такие ожидания, действительно можно получать стабильный и основательный доход, но суть его порочна и входит в противоречие с объективными хозрасчетными показателями. Сектор реального производства утрачивает свое значение...

– Мы перебарщиваем в виртуальной игре с финансами, это верно. Объем денег на рынке деривативов чрезмерен. Рынок опционов, свопов, варрантов, фьючерсов, опционов на фьючерсы выплеснулся за все какие-либо приемлемые границы. С другой стороны, военно-промышленный комплекс – основа геополитического влияния, где и в самом деле существует явное производство, утрачивает не только свою мощь, но и оправданность. Он обеспечивает нам доминацию в мире, а его неуклонно разрушают игры с виртуальными финансами. Продлись такое положение дел еще с год, и грянет катастрофа. А мы успокаиваемся своей же пропагандой.

– Это верно. Я посмотрел цифры роста ВВП, в них – потенциальные затраты граждан на жилье, но откуда взялся этот произведенный кусок, в случае, если жилье – частное? Мы отошлись от реальности старых объективных оценок. Если угодно – консервативных. Я не стану называть имена некоторых наших коллег, присутствующих здесь, но им пора задуматься, что будет, если критическая масса выпущенных ими акций будет востребована в некий реальный эквивалент?

– Вы имеете в виду деньги?

– Или деньги, или торговое покрытие. Вы понимаете, что, пойдя такой процесс требований лавинообразно, мы столкнемся с тотальным крахом всей мировой финансовой системы, поскольку она прямо связана с долларом.

– И с нашей экономикой в целом, помимо того.

– Где, замечу, тридцать процентов граждан США заняты не в производстве, а в услуге. Она опасно раздута и становится маргинальной. Всех потянуло на быстрые доходы. Поэтому производство и инвестиции каждодневно смещаются за рубеж.

– Но это объективно, там другие экологические нормы и хорошие цены на рабочую силу.

– Так, но это только усугубляет эфемерность нашей экономики и порождает лживых манипуляторов успокоительными цифрами. К тому же нам надо учесть фактор европейской валюты, она становится куда более весомой, поскольку ее философия – из старых традиций... А с учетом новых систем европейского энергосбыта из России, мы теряем концепцию снабжения третьих стран из арабского мира и наши затраты по контролю за ней... Все это ударит по доллару. К тому же нельзя забывать об угрозе появления третьей валюты, азиатской. Если это будет юань, его обеспечение несомненно привяжется к реальному производству, и он будет весьма привлекателен.

– Ресурсное и стратегическое объединение Европы – не только угроза доллару... Это повсеместное ослабление всех наших позиций.

– А вам не кажется, что слишком много сил и средств мы отвлекаем на внешний мир? Не стоит ли нам уделить больше внимания собственной территории? В конце концов, общеевропейской...

– Это хороший предвыборный лозунг. Но и не более того. Торможение внешних процессов чревато созданием для нас будущих непреодолимых препятствий. Вот там-то, извне, нам необходимо ежечасно подогревать наши виртуальные иллюзии процветания. И если те, кто вкладывает в данный сектор средства, начнут их оттуда выводить, грянет коллапс. И ни с какой «великой депрессией» он несравним, если учитывать нашу доминирующую роль в планетарном масштабе.

– Нам нужен прорыв. Иначе мы потеряем страну.

– Я не вижу возможности резкого прорыва в экономике. К тому же он – не панацея от всех нацеленных на нас копий... Здесь нужен неожиданный политический элемент.

– Предтеча значимых положительных перемен – это война...

– В том или ином смысле?

– Естественно. Агрессия уместна лишь как ответ на угрозу. И если создавать угрозу, примитивных конструкций следует избежать. Проект должен быть парадоксален, но убедителен.

– Я думаю, это далеко не праздная мысль.

МАКСИМ ТРОФИМОВ

Привал устроили в небольшой ложине, повалились, ощущая гуд в ногах, на сырую травку и некоторое время не произносили ни слова. Заодно напряженно прислушивались: не скрипнет ли ветка, не идет ли за нами враг?

– Шашлычка бы сейчас, – произнес я, сглотнув голодную слюну.

– С винцом кисленьким, – поддакнул мне Рогальчук, отвинчивая крышку с походной фляги.

– По пути есть одно село, – лениво доложил один из соратников. – И овчарня там имеется. Под вечер можно наведаться. Стены из гнилых досок, акцию проведем молниеносно...

– А потом с бараном в часть попрумся? – спросил я. – Или на поводке его поведем?

– Ша! – вскакивая на ноги, проронил командир, видимо, что-то услышавший. – К бою!

И в считанные секунды мы рванули на уже примеченные, поросшие кустарничком и молодым папоротником позиции по краям ложинки, превратившейся в окоп. Вжавшись в землю, замерли, вслушиваясь в лесную тишину, и едва я подумал, что тревога была ложной, окружающее пространство внезапно словно бы сузилось, сжатое грохотом и пламенем первых яростных взрывов.

Противник ударил по нам с ходу всей боевой мощью, и по плотному свисту пуль, выстилающих над нами свинцовую смертоносную сеть, по настырному уханью гранат, гвоздящих сырую почву, я понял, что мы капитально и цепко окружены бандой с сотней стволов.

Мы слепо лупили из автоматов по зарослям, оглохнув от разрывов начиненных тротилом болванок и упруго поющего свинца. В его уходящем в никуда вое словно чувствовалась досада промаха и неутоленность своего губительного предназначения.

Пороховая гарь въедалась в потные, оцепенелые от напряжения лица, приторно било в ноздри запахом оружейного масла и горячей стали.

И вдруг наступила тишина. Прострекотал одиноко и хлопотливо, как швейная машинка, вражеский пулемет и – замолк, словно захлебнулся.

Я наобум повел ствол в сторону этого стрекота, нажал спуск и расслышал лишь беспомощный щелчок бойка. Патроны в последнем магазине кончились. Я потянулся к кобуре пистолета, хотя прекрасно понимал смехотворность данного оружия в таком боевом раскладе, однако внезапно уяснил, что левая моя рука странно задеревенела. А затем почувствовал противную тяжелую влагу, напитавшую рукав.

Следом долбанула сверлящая боль в плече. Вот оно, то самое первое ранение, которое я безрадостно ждал и, увы, дождался. Но что это ранение, да и вообще все предыдущие мои неприятности в сравнении с тем, что меня ожидает в самые ближайшие минуты? Нас ведь не просто убьют. Нас... Впрочем, не будем хныкать. Я знал, на что шел, выбирая профессию, знал, что такое война и знал, что подобный финал более чем вероятен. И не раз думал о той финальной пуле, что собственной рукой придется пустить себе в башку, дабы избежать участи живую разделанного барана. Господь, полагаю, такой шаг оправдает. Ибо шансов...

– Спецназ, сдавайся, лучше будет! – энергично и зло выкрикнули из зарослей.

Я оглянулся на своих ребят и – содрогнулся. Гранаты сделали свое дело. Вокруг меня, ничком уткнувшись в пологий откос, лежали трупы в камуфляже, испоротом десятками осколков.

Далее я действовал, руководствуясь спасительной мыслью, хотя и сознавал некоторую ее порочность, не отвечающую моральному облику готового биться до последнего вздоха бойца. Передо мной встал выбор, создаваемый ранее как весьма умозрительная вероятность: я мог или достойно умереть, или попытаться хитроумно выжить, за что неизменно ратовали мои

педагоги в разведшколе. Другое дело, за счет чего и кого выжить? Судьба посылала мне редкий шанс сделать это, не замарав совесть.

Я хлопнул себя по нагрудному карману, ощутив под ладонью тонкую книжицу иностранного паспорта; мысленно оценил свою одежду, – нет ли в ней чего-либо вызывающе-спецназовского? – и, решив, что нет, а доставшаяся иностранная куртка как раз кстати, сполз на дно лощины. Вытащил из вещмешка веревочный стандартный кляп с валиком, сунул его себе в рот, подтянул петлю; после переложил содержимое своего мешка в мешок Рогальчука, опорожненный брезент откинул в сторону, а далее, стиснув зубы от осекающей дыхание боли в плече, завел левую руку за спину, туда же последовала и правая с уже застегнутым на ней наручником, и, едва челюсти его замкнулись на свободном запястье, вновь грянула пальба.

Замельтешила в воздухе скошенная пулями трава над краем обрывчика, взметнулись земляные фонтанчики, затем рванула очередная граната, сыпанув на меня комья тяжелой и влажной глины.

Я спешно пополз к глубокой трещине в склоне обрыва, из которой струился тонкий мутноватый ручеек. На пути ручейка лежала оброненная кем-то из наших походная фляжка в защитном, уже черно-подмокшем брезентовом чехле.

Поднатужившись, я начал втискиваться в глинистую податливую трещину, но тут последовал новый торжествующий «ух»; звездопад, плавающий в моих глазах от боли в плече, застила оранжевая мгла, смененная волной сухой горячей черноты, и я растворился в ней безропотно и безоглядно, как капля дождя в океане.

АБУ КАМИЛЬ. ДО 11. 09.2001 г.

Агенту он сказал, что выполняет задание по внедрению в среду экстремистов, то есть в тот круг, где доверенное лицо обреталось, готовясь быть востребованным для участия в акциях набирающей силу Аль-Каиды. Собственно, так называемая среда состояла из пяти человек, простых молодых работяг со строящихся нефтяных промыслов. Все пятеро занимали одну комнату в общежитии, чей модуль стоял на отшибе от города, в серых песках пустыни, среди сосредоточия алюминиевых баков с опресненной морской водой и с газовой подстанцией. Вечерами пятерка уходила в город, к духовному наставнику, кому был представлен Абу.

Агент обозначил его, как своего родственника, суннита, бежавшего из Ирака от нападков властей. Наставник, Хабибулла Хасир, молодой, лет тридцати человек, подвижный и остроумный, встретил очередного неопита с сердечностью, выразив готовность помочь ему с работой и с временной визой. Разговор сразу же коснулся религии, а вернее, ее новейшего ответвления, именуемого ваххабизмом, ересью «салафитского» толка с идеей радикального реформаторства.

– Наше единство – в Коране, – начал свою проповедь наставник. – Кое-кто намерен извратить спасительное учение, и оттого происходит вражда между родственными народами, и ты, Абу, жертва такой вражды. Мусульман стараются разобщить и развратить, дабы управлять нами. И это, увы, удастся. Мне пришлось побывать в Тунисе, и что я увидел? Женщины ходят в коротких юбках и плавают в бассейнах вместе с мужчинами. Они знакомятся с европейцами на улицах. Повсюду пьют вино, его производство – часть экономики страны. По телевидению – засилье западной рекламы и фильмов. Американцы насаждают нам свои ценности, дабы превратить нас в послушный бездумный скот. Но мы должны быть умнее их. Мы можем соглашаться с ними на словах, но не в душе. Мы должны использовать их, чтобы нарастить свою мощь, но затем нам все равно предстоит решающая битва. К 2050 году от Марокко до Аравии будут проживать пятьсот миллионов мусульман. В Южной Азии иранцы, афганцы, пакистанцы составят население в семьсот миллионов. Плюс – триста миллионов индонезийцев. Наконец – полтора миллиарда индийцев, среди которых наша вера, думаю, станет главенствующей. А что Запад? Европе предстоит принять сто семьдесят миллионов иммигрантов, чтобы сохранить баланс между пятнадцатилетними и теми, кому в ту пору исполнится шестьдесят пять. А если они захотят восполнить естественную убыль населения, им придется принять полтора миллиарда человек. И это не гипотезы, а математика. Запад уже проиграл нам все, он догнивает в своем обжорстве, но не стремится уменьшить аппетиты. Вот парадокс! – чем богаче страна, тем меньше в ней детей. Они делают все, чтобы жить в удовольствиях и в неге, и копают себе тем самым могилу. А мы – сила нового миропорядка, чистая и устремленная к истине. И если ты, Абу, хочешь быть в авангарде правого дела, мы поможем тебе...

Кадровый разведчик без труда подыгрывал незатейливому вербовщику, мгновенно уяснив свою роль чуткого и признательного ученика. В душе же Абу всецело соглашался с мыслями учителя, а потому, наверное, был непритворно искренен, однако холодный разум говорил ему иное: за сакральностью провозглашенной цели стоит устремление к деньгам и к власти тех, кто вербует его в свое воинство, должное послужить всего лишь расходным материалом в будущих битвах. И вновь перед его глазами возникала картинка из детства: два снисходительных шейха, возвышающиеся над распластанной на бетоне толпой простаков... Знакомство же с наставником было в первую очередь важно для него как часть наработанного материала для дальнейшего торга с разведкой чужеземцев.

Через одного из американских предпринимателей, кто жил в Дубае и, как было Абу известно, сотрудничал с ЦРУ, он вышел с предложением своего контакта с резидентурой. Скрываться на промыслах становилось опасно: его сослуживцы наверняка рыскали в поисках

беглеца по всем Эмиратам, а кажущаяся людская скученность в городских оазисах среди бескрайних пустынь, медленно, но верно сортировалась профессионалами неумолимого сыска, кому надлежало поставить в судьбе предателя финальную точку. Удручало и положение Мариам, сидевшей взаперти в маленькой квартирке на окраине города.

Наконец американцы назначили ему долгожданную встречу.

В безлюдном районе возле пляжа Абу сел в машину, судя по номеру, взятую в аренду у местной компании, застав за рулем человека лет сорока с усталым и хмурым лицом. Принужденно улыбнувшись, человек представился ему как Хантер и тронул автомобиль с места.

Некоторое время они колесили по городу, – американец явно и тщательно проверялся, хотя и болтал, не умолкая, на всяческие отвлеченные темы. В итоге они оказались в номере дешевого отеля, где обитали в основном мелкие пришлые торговцы из России и Восточной Европы, занимавшиеся закупками здешнего грошового ширпотреба для своих лавчонок.

Номер был пропитан табачным дымом, палас на полу затерт до дыр, а узкие кровати кособоки и продавлены. Из соседних номеров, сквозь хлипкие стены из гипсокартона, доносился игривый женский смех и звяканье бутылок: вечером чужестранцы не отказывали себе в привычном времяпрепровождении.

Уселись за низеньким журнальным столом, заляпанным белесыми кольцами следов от мокрых стаканов и горячих кружек.

– Должен предупредить, – кисло и заученно произнес американец, – что основой нашего разговора должна быть правдивость и искренность, иначе... – Он задумчиво поиграл бровями. – Иначе я не могу гарантировать конфиденциальности наших отношений.

Абу хмуро кивнул, невольно сцепив кисти рук в замок – знак отчужденности и обороны. Ему не нравился этот американец. А может, ему претила собственная роль – просителя, должного унижаться перед совершенно чуждым ему по духу и крови неверным. Только сейчас он остро и неприязненно ощутил всю инородность сидящего перед ним человека, выросшего на другой земле, под другим небом, исповедующего другие ценности, пропитанного пресной, напичканной химией и антибиотиками пищей. Наставник Хабибулла – смуглый, опрятный, чистый, омывающийся солнечным песком, вдруг показался ему словно родным братом, которого безжалостная судьба требовала подло предать, отдать на растерзание свиньям...

Между тем Хантер начал неторопливый допрос. Тон его отличался доверительностью и участием, но глаза были равнодушны и пусты.

Ответы Абу он стенографировал известной ему тайнописью в блокноте. Работая на чужой территории, пользоваться аппаратурой он не мог: любая техническую запись – серьезный промах, попади она в руки властям, эту азбуку разведки Абу, так же, как и собеседник, знал превосходно.

Отработав вопросы, касающиеся биографии беглеца, американец принялся расспрашивать его о родителях и родственниках; затем перешел к разведшколе, уточняя имена преподавателей, курсантов, дисциплины, расположение учебных классов...

– Поймите, Хантер, – произнес Абу, невольно скрипнув зубами. – Или же Джон, Джеймс... Я могу еще целые сутки диктовать имена, рисовать схемы зданий, указывать, где в кабинете моего начальника стоит стол, а где сейф; я также великолепно понимаю, что мой статус достаточно скромный: я сотрудник среднего звена, пусть и из главного аппарата... В том числе я сознаю и другое: если бы перед вами находился не перебежчик, а действующий агент противника, могла бы строиться какая-либо перспектива, пусть с допущением провокации и так далее, и тому подобное. Но перед вами именно перебежчик, невозвращенец. А посему главное для вас – выжать информацию. Всю. До капли. Поэтому, чтобы не быть выкинутым в мусорную корзину как выжатый апельсин – простите за банальное сравнение, – я должен иметь реальные козыри и сыграть ими не здесь, а в ваших Соединенных Штатах. Козыри таковы: мне известно, каким образом, куда и кем распространяются в арабском мире современные тех-

нологии по производству химического, бактериологического и ядерного оружия из бывшего СССР. У меня есть агентура и знакомые среди исламских террористических движений, и я знаю, каким образом руководство моей страны будет пытаться использовать их в своих интересах. Своего здешнего информатора я передам вам.

– М-да, – озабоченно откликнулся американец. – Хорошо, я буду всецело откровенен: в мою задачу входит определение степени вашей полезности, а потому мне необходимы детали... И вот почему. Подробности – доказательство компетентности. Мало ли кто что слышал или видел... Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы вы улетели отсюда в США в кратчайшие сроки, но пусть они там... – косо указал в потолок, – мои шефы... поверят, понимают... В вашу действительную ценность.

– Стоп! – Абу легонько хлопнул ладонью по журнальному столику. – У нас пошел торг. Бессмысленный. Вот паспорта. Мой и жены. При следующей нашей встрече в них должны стоять американские визы, а между страницами лежать авиабилеты. Все. Дальнейшие переговоры бесполезны. Лично вы ничего не решаете, решают в Вашингтоне. Я не хотел бы избирать резкий тон, поскольку от вас зависит довольно-таки много, но как профессионал вы должны меня простить и ничего личного в наши оперативные отношения не вносить.

– Хорошо. Визы и билеты?

– Да. Наша внешняя контрразведка дышит мне в затылок. Если вы не поторопитесь с решением...

– Мы позаботимся о вас, не переживайте.

Они вышли из отеля в душный тропический вечер, под беззвездное небо, словно затянутое пыльной черной шалью, в дробящееся сияние несчетных неоновых огней, которыми пылал город, и через считанные минуты уже катили в плотном потоке автомобилей в сторону трассы, проходящей мимо вилл, отгораживающих ночную безбрежность теплого, спокойного залива.

Иногда в Лэнгли умели торопиться с выводами: через день в сопровождении Хантера Абу и Мариам вылетели в Вашингтон.

До своего отлета Абу сумел навестить наставника, сказав ему, что получил гостевую американскую визу и собирается некоторое время провести в Америке, подработав там. Однако ни в коем случае не намерен терять связи с учителем, отрывать от корней и веры, а потому просит благословения на вынужденное перемещение в цитадель неверных.

С минуту Хабибулла озабоченно молчал, погрузившись в раздумье. Наконец, качнув недоуменно головой, произнес:

– Дай мне знать, когда устроишься там.

Абу почтительно поклонился. Он был уверен, что Хабибулла расценивает его, как возможного агента в стане врага. На него смотрели, как на ценный товарец. На самом же деле для Абу отныне товарцем являлся проповедник радикальных исламских толкований. Абу Камиль сделал ставку на всемогущую Америку. И теперь ему предстояло неукоснительно и усердно набирать очки перед новыми хозяевами. В мире секретных служб, к которому он уже привык как к естественной среде своего обитания, различий в правилах поведения не существовало: любая двойственность неизменно сулила гибель. Посему одни неизменно предназначались для заклания другим. На заклание Америке он приносил все свое прошлое, дабы обрести будущее.

Так Абу Камиль окончательно свернул с пути правоверных.

ЖУКОВ

С мистером Уитни Жуков познакомился год назад, когда в составе многочисленной строительной бригады реконструировал его дом под Вашингтоном. Дом был огромен и роскошен, да и хозяин, чувствовалось, не испытывал в жизни никаких материальных затруднений: платил, не торгуясь, материалы выбирал самые дорогие, а паркет заказал из какого-то реликтового дуба – твердого, как гранит, и прозрачно-теплого, как янтарь.

Жуков сразу понял, что этот мистер – не просто преуспевающий обыватель, а персона из самых высших кругов. Кем именно являлся этот Уитни, Жуков не знал, да этим и не заботился, главное – тот его работой остался доволен, а его домоуправитель помимо оговоренной суммы дал еще двести долларов чаевых, явно хозяйских. Жуков, в свою очередь, оставил домоуправителю свой телефон – мол, коли возникнет нужда, милости просим...

С другой стороны, надо было отдать дань и Жукову – не просто сноровистому работяге, а кропотливому виртуозу своего дела. Он подбирал доску к доске, выстраивая мозаику законченного рисунка, сглаживал мельчайшие зазоры, а уж как клал лак! Шкуркой молодого барашка разгонял упругую капризную лужу по циклеванной плоскости словно сросшихся паркетин, и сразу проступала фактура дерева, и переливы узора, точно им предугаданные, соединялись и вились, как иней на деревенском окошке в крещенский мороз.

Кульбит с эмиграцией был абсолютно внезапным событием в судьбе Жукова, никогда и ни в какие зарубежные дали не устремлявшегося. В прошлой российской, а вернее, в советской действительности, он, крепкий и ловкий паренек, москвич, едва окончив школу, загремел в армию, в воздушно-десантные войска, где остался на семь лет сверхсрочной службы, а затем вернулся в столицу, в тесную квартиру, к пожилым родителям.

Он ничего не придумал лучшего, нежели пойти в таксисты, – работа живая, со стабильной копеечкой в кармане, с множеством знакомств по женской линии... В течение нескольких лет сменил двух жен, затем возникла потрясшая его воображение своими белокурыми локонами и безупречной фигурой Лариса Голубец, родом из Киева, экс-балерина. Закрутился роман, однако перспектива романа вышла скособоленной: на Ларисе висело уголовное дело, ибо, работая делопроизводителем в суде, она охотно посредничала во взяточничестве и попала под следствие, а горячий парень Жуков как-то ненароком набил морду хамоватому пассажиру такси, оказавшемуся, на беду, адвокатом, и тоже прочно устроился под статью, грозившую неотвратимым сроком.

Таким образом, влюбленных отныне соединяли не просто взаимные чувства, но и общие проблемы – в частности, подписки о невыезде и регулярные походы в следственные органы. И всякий такой поход был для парочки подобен прыжку в темную ночь с ненадежным парашютом.

Спасла вакханалия перестройки и план изворотливой Ларисы: добыть «левые» загранпаспорта, и выехать в США, где у нее обреталась давняя подруга.

Лихое время разброда! Время серпастых паспортинок уже несуществующего государства, розово-голубых чернильных американских виз, таможенной и пограничной неразберихи, попрании знамен тоталитаризма, подмены законов постановлениями, словом – революционное времечко! Однако – с какой-никакой милицией и прокуратурой, от чьих происков Лоре и Юре выпало счастье успешно драпануть.

После года скитаний по подвалам Бруклина, нищеты и всяческих злключениях, судьбы супругов определились: Юра пошел в строительные рабочие, быстро приобрел необходимые навыки, а Лора же определилась по старой специальности, именуемой работой с людьми: устройством браков, приглашений в США, содействием в получении местных водительских

прав; короче, деяниями сомнительными, порою откровенно мошенническими, однако приносящими ей порою и внушительные дивиденды.

Тысячи отщепенцев, беженцев, авантюристов, искателей лучшей доли из распавшегося Союза заполняли собой Нью-Йорк, и в этом круговороте человеческих судеб Лора чувствовала себя вольготно и празднично, раскладывая пасьянсы мелких афер, что всегда сходили ей с рук.

Подурнела и постарела бывшая балерина, высохла, превратясь из золотой рыбки в серую воблу, поредели и поседели златые кудри, впали щеки и тронулся вперед нос, заметно выступая из лица, черты которого благодаря, может, вытянувшемуся органу обоняния приобрели приметы откровенно мошеннические и порочные. А бывший десантник, напротив, раздобыл, похорошел и на супругу давно уже перестал поглядывать с вождением, зато на окружающих дам, к ее неудовольствию, начал засматриваться с возрастающим интересом. Однако удержать простодушного и отходчивого мужа в узде особой сложности для Ларисы не составляло. Выправив себе социальную карту, она открыла счет в банке, и отныне все заработанные супругом чеки и наличные становились ее безраздельной собственностью. На вопрос Жукова, почему бы подобную карту не выправить и ему, Лариса Голубец искусно ссылаясь на те или иные технические сложности.

Каждодневно потный, покрытый древесной пылью мастерской Жуков ползал в истертых пластиковых наколенниках по паркетным плоскостям, а Лора, облаченная в очередное шикарное платье, сидела в своем иммиграционно-аферистическом офисе на Брайтон-бич и, изящно покуривая через длинный мундштук тонкую сигарету, дурила головы клиентам, содействуя в делах брачных, устройствах политического убежища и работы. Убежище обещалось либо по линии еврейских общин, либо баптисткой церкви, либо шарашки «свидетелей Иеговы», заполнялись анкеты и прошения, дела длились годами и конечно же проваливались, но деньги за хлопоты Лора получала исправно и планомерно. На разного же рода претензии ее реакция отличалась наивностью и участливой простотой: дескать, ваша фактура не соответствует требованиям властей, однако – не отчаивайтесь, мы устроим вас в США через брак, это будет стоить всего ничего... И не горюйте о потерянных деньгах, они пыль и прах в сравнении с ущербом, наносимом вами собственной нервной системе...

Как часто, прибыв с работы и включив запись автоответчика, Жуков выслушивал истерические матерные определения в адрес Лоры одураченных ею простаков, но супругу данные звонки ничуть не смущали, к ним у нее выработался прочный иммунитет и твердое знание: по телефону не изнасилуют, а дальше эмоций дело не двинется. В полицию бесправные клиенты не пойдут, да и не дело полиции выяснять, кто кому и за что должен, а вот тронь беззащитную женщину Лору Голубец хотя бы кончиком мизинца, тут уж полиция сработает на всю свою правоохранительную мощь! Так что бояться кого-либо Лоре не приходилось. Разве – супруга, что спяну позволял себе рукоприкладство, чреватое при его огромной физической силе не только увечьями, но и конкретным летальным исходом.

Домоуправ Уитни позвонил Юре неожиданно, через год после их последней встречи, сказав, что в одном из офисов хозяина в Нью-Йорке прорвало воду, залило два этажа и теперь требуется замена паркета.

Особняк, где надлежало потрудиться, представлял собою громоздкое четырехэтажное здание, выстроенное еще в начале двадцатого века, с помпезными колоннами, стрельчатыми витражными окнами, светлыми мраморными лестницами, позолоченной лепкой, фресками по потолкам, изображающих сцены античной мифологии, и многочисленными скульптурами. Рослые бесстрастные охранники торчали на каждом углу, а по этажам ходили хорошо одетые, молчаливые люди – видимо, служащие, выполнявшие здесь какую-то неведомую работу.

Задача была проста и привычна: уложить паркет, получив не чек, а наличные, ибо Лоре доверия не было, и перебираться на другой объект.

От протечки пострадали два помещения на третьем этаже и – огромный кабинет на втором, к которому примыкала туалетная с джакузи и душем. Жуков решил, что это рабочее логово какого-то здешнего босса, возможно, и самого мистера Уитни. К тому времени, как он приступил к ремонту, мебель из пострадавших комнат убрали, и лишь в большом кабинете оставалось вмонтированное в стену, окантованное узорчатой бронзой огромное зеркало, чье изыятие и перемещение, видимо, было трудоемким и нецелесообразным делом.

Переодеваться, принимать душ после работы и даже курить Жукову позволялось в туалетной комнате, примыкающей к большому кабинету. Там же, в углу, застеленным плотным ковроном, он хранил инструмент.

Работа продвигалась, Юра торопился, поскольку через два дня его услуг ожидали в огромном пентхаусе на Вест-сайд, и все бы было хорошо, если бы не точила его досада от беспрерывности и однообразия этого ежедневного каторжного бытия. Пусть сытного, но, в свою очередь, сжирающего и его. Каждый раз, ложась спать, он с унынием представлял обычную картину: бесконечные ряды бесконечного паркета, и картина была неотвязна и прилипчива, как настырный кошмар.

Жуков находился в туалете, когда стукнула входная дверь, ведущая в кабинет, донеслись чьи-то голоса и, заглянув в щель приоткрытой двери ванной комнаты, он увидел шефа безопасности Ричарда и своего благодетеля Уитни.

– Когда заканчивается ремонт? – Уитни – высокий, с легкой сединой в волосах, в золотых очках, с властным лицом, сложив руки на животе и, недовольно раздув ноздри, обзрел помещение.

Голос Ричарда был учтив:

– Думаю, день-два... Если вы вернетесь в Нью-Йорк на следующей неделе, все уже наверняка закончится.

– Я вернусь сюда минимум через неделю, – ответил Уитни. – Хорошо, Ричард, вы свободны...

Юра стоял у двери, замерев, как наступивший на мину сапер. Отчего-то ему казалось, что именно так он и должен себя вести, – не показываясь никому на глаза, затаившись, как мышь...

Далее произошло удивительное событие.

Покосившись на захлопнувшуюся за подчиненным дверь, Уитни подошел к вмонтированному в стену зеркалу, заклеенному защитной пленкой. Большими пальцами обеих рук с силой нажал на круглые декоративные заклепки в его окантовке, и зеркало медленно, словно на гидравлических рычагах вывалилось из стены, затем повернулось по оси, и Жуков увидел скрытый в нише сейф.

Уитни просунул руку в верхнюю щель стенной ниши, кряхтя, нащупал в ней какую-то, видимо, секретную кнопку, последовал короткий электронный писк; затем достал из кармана ключи, вставил один из них в прорезь механического замка и – открыл тяжелую толстенную дверцу.

Еле дыша, Жуков наблюдал, как тот вытащил из сейфа какую-то папку, полистал ее, после, словно встрепенувшись, приблизился к входной двери и, убедившись, что за ней никого нет, вернулся обратно.

Некоторое время он всматривался в бумаги, небрежно перелистывая их, а Жуков между тем различал содержимое секретного ящика: сафьяновая бордовая коробка, бумаги, папки, а внизу, во втором отделении – ровные пачки денег – штук десять, не меньше... Если же принять во внимание глубину ящика...

Уитни закрыл папку, замешкался, не зная, куда ее приткнуть; сокрушенно качнул головой, оглядев пыльный пол; наконец, сунул папку под мышку и, неловко удерживая ее, закрыл сейф, после чего возвратил зеркало на положенное место.

Прошелся по зале, остановившись возле окна.

Теперь он находился буквально в одном шаге от покрывшегося испариной Жукова.

С минуту постоял, постукивая кончиками пальцев по подоконнику, видимо, раздумывая о чем-то, затем грустно хмыкнул, подытожив свои размышления, и – направился восвояси к выходу.

Выждав четверть часа, Жуков возобновил циклевку паркета, но тут позвонила Лариса, сказала, что ждет его в офисе, откуда им предстоит направиться в ресторан. С какой стати – не уточнила.

Прибыв в офис, Юра застал там супругу, сидящую за заваленным иммиграционными прошениями столом и что-то вдохновенно втолковывающую обретающемуся напротив нее на стуле пожилому усатому грузину в жеваной кожаной куртке, грязных блу-джинсах и стоптанных кроссовках.

До Юры донеслось:

– Таких, как вы, Вахтанг, я устроила здесь десятки!

Данную фразу Жуков перевел следующим образом: такими, как вы, я обычно закусываю на завтрак...

– Позвольте представить... мой муж... – встрепелась Лора, увидев появившегося в дверях Жукова.

Вахтанг уважительно наклонил лысую голову и протянул Юре маленькую волосатую кисть.

– Вахтанг приглашает нас в ресторан, отметить свое появление на американской земле, – внушительным тоном произнесла Лариса.

Жуков изобразил подобающую гримасу, означавшую: рад, всецело одобряю данное появление, жду указаний...

– Итак, – деловито подытожила Лора, вставая из-за стола, – завтра я передам ваши данные адвокату, а сейчас вы можете оставить депозит...

– Тры тысячи? – с трагедией в голосе спросил Вахтанг.

– Голову с меня снимет адвокат за такие льготные ставки! – удрученно ответила Лора. – Но, – продолжила, обращаясь уже к Юре, – ты же знаешь, я всегда вхожу в положение людей... Пройдет месяц, и эти три тысячи покажутся ему тремя копейками, вернее, центами... Что такое три тысячи для Америки? – патетически обратилась она к потолку, а затем выглянула в окно, словно ответ на подобный вопрос мог прийти именно оттуда. – Так, вечерок в Атлантик-сити... Я извиняюсь, конечно.

– В Грузии за такой дэньги как царь год живи! – прокомментировал Вахтанг, отсчитывая требуемую сумму.

– А где-нибудь в Гваделупе и всю жизнь, – покладисто согласилась Лора. – Но вы можете представить себя в Гваделупе, я извиняюсь, конечно?

– Где-где? – спросил Вахтанг с подозрением.

– Есть такая страна. По-моему. – Лора убрала мзду в свою изящную сумочку. – Ну, мальчишки, куда двинем? – Достав помаду и зеркальце, она сноровисто подвела губы.

Жуков подметил, что столбик помады исполнен в виде мужского достоинства, и это его покорило, однако поднимать при Вахтанге данную тему не стал. Сделал зарубку в памяти: разберемся попозже, что за дела...

Ресторан выбрали уютный, с грузинской кухней. Официантами здесь служили соотечественники Вахтанга, и будущий эмигрант, заслышав родную речь, приободрился и приосанился.

– Это развэ вино? – пригубив бокал, молвил Вахтанг. – Ай, какой вино у меня в Мцхета! Шампанский просто, как король Лудовик пил! У мэня все наш началство прыезжал, все министр, даже внутренний дел!

– И чего ты уехал? – чокаясь, спросил Жуков. – Пил бы да пил...

– А, слушай, что делать там, а? – ответил Вахтанг. – Свэт нэт, газ нэт, дэнэг ниоткуда нэ взять, а я прокурор был, должен платыт за то, что прокурор, а как платыт, если народ бэдный? Мнэ баран нэсут, курица нэсут, а как я с курица к президенту пойду?

– Вы знаете президента? – с уважением спросила Лора.

– А, дорогая, всех знаю! Всэ жулики! Им зарплату СэШэА платит, а минэ кто? Я думаль, думаль, пусть и мне зарплата в Амэрике тоже будэт, правильно гаварю? Ты минэ только докумэнт хороший сдэлай, слушай, я тибэ потом тоже буду платыть всу жизн, я такой благодарный, ты нэ знаешь просто...

– За грузинское гостеприимство! – вставил Жуков.

– Тем более мы все христиане, – смахнув умильную слезу, поддержала Лариса. Затем, обратившись к Жукову, стальным голосом произнесла: – Только попробуй нажрись!

– Конечно, христианэ! Давно уже... Я даже когда член коммунистический партии, все равно христиан был! Хочу тост за Сталин сказат!

– Великий человек, – поддакнула Лора, погрозив Юре пальцем.

– М-да... – невпопад произнес Жуков, размышляя, чтобы сделал великий человек, попалось ему под руку такая честная компания.

Был произнесен тост за Сталина, за Грузию и ее отдельные регионы, за Америку и будущее процветание в ней Вахтанга, далее грянул оркестр, ресторан заполнила вечерняя публика, и время понеслось вскачь.

Беспрестанно текло вино, попадая как в бокалы, так на скатерть и платье Лоры, которая, регулярно произнося сакраментальное: «Я извиняюсь, конечно...», то и дело уходила в туалет; Вахтанг и Жуков, сидя в обнимку, клялись друг другу в дружбе до гроба, но апогеем праздника стали танцы.

Вахтанг, несмотря на джинсы и скособоченные кроссовки, увлеченно изображал джигита, балетно семенящего на мысках под народную кавказскую мелодию, а бывшая балерина Лора, оступаясь на высоких каблуках, вела, картинно размахивая руками, женскую партию, позволяя себе порой рискованные пируэты, в которых просматривалась нарушенная алкоголем координация.

«Навернется и – поделом!» – мстительно подумал Жуков, а затем, ловким движением подвинув к себе сумку супруги, расстегнул молнию, и, одной рукой добродушно помахивая танцующей парочке, другой принялся шарить в недрах жениного ридикюля, нащупывая заветные купюры.

«Возьму пятьсот, – напряженно размышлял он. – Или тысячу? А хрена ли тысячу? Так и так на меня все стрелы сойдутся. Все надо брать! Не все меня кидать... Будет счет ноль-ноль. И начнем новую жизнь».

Под пальцами ощущались какие-то шпильки, сопливые салфетки, частью заскорузлые, а частью слегка влажные; попался тюбик с вульгарного вида помадой, вызвавший в нем досаду, а затем Жуков укололся о какую-то булавку и, вскрикнув, сунул палец в рот.

В голову невольно пришла мысль о возможном СПИДе...

Злобно зыркнув на рьяно отплясывающую парочку, он уже откровенно распахнул сумку, вперившись взором в ее внутренности, но ничего, кроме различного рода дамских причиндалов, в ней не обнаружил.

Деньги словно испарились в никуда.

Отставив ридикюль, он разочарованно потянулся к бокалу, бросив косой взор в сторону супруги, и тут, будто сраженная его взглядом, Лора, едва закончившая очередное па, неловко попятилась спиной к двери для служебного персонала, промежуточной частью туловища раскрыла ее, и, всплеснув потерянно руками, внезапно исчезла, словно стертая невидимым ластиком.

Жуков тупо посмотрел на ридикюль, затем в глубь служебного помещения, где виднелись какие-то ящики и черные пластиковые мешки – видимо, с мусором; затем на фальшивой и длинной ноте замолк оркестр, и публика хлынула к проему, в котором случилось чудо дематериализации.

Чудо, впрочем, вскоре было развенчано: Лора упала в раскрытый люк грузового лифта, перемещавшего из подвала в ресторан разные разности.

Пробившись через толпу любопытствующих к люку, Юра узрел в подвальной темноте сиреневые, с кружевной оторочкой трусы супруги и две недвижные кривоватые конечности в модельных туфлях, паралитически воздетые кверху.

В этой недвижности сквозила такая мертвенная обреченность, что Юре мгновенно полезли в голову мысли о дорогостоящих похоронах, недоступному для него банковскому счету супруги – пропали, мать твою, деньги! – наконец о том, как он будет выживать здесь один, и в состоянии ли Вахтанг расплатиться за сегодняшний ужин?..

Роем пронесли эти мысли в голове Жукова, после чего из люка донесся надрывный стон, загладели вокруг возбужденные голоса, двое добровольцев полезли во тьму извлекать тело, а после прибыла «скорая». Юру и горестно восклицавшего Вахтанга оттеснили санитары. В итоге общими усилиями охающую, бессмысленно таращатся по сторонам Лору извлекли на свет Божий и, запаковав в носилки, уместили в медицинский автомобиль.

Жуков, испытывающий чувство некоторого разочарования, кинулся к ридикюлю. Ридикюля на месте не было: мародеры не мешкали.

Сплюнув, он поспешил к экипажу «скорой», представившись мужем пострадавшей, и был допущен в салон, где наткнулся на участливо склонившегося над Лорой Вахтанга.

Горю кавказского человека, казалось, не было предела.

Машина тронулась, унося потерпевшую и сопровождающих ее лиц.

– Какой бэда, слушай, какой катастроф! – сетовал горец. – Ты минэ свой тэлэфон давай, дэржи минэ в курсе, очень пэрэживаю, слушай...

Однако он вовремя совладал с собой и, когда машина проезжала мимо его дома, требовательно остановил ее, сэкономив, как уяснил Жуков, на такси. И само собою – на ужине, находчиво скрывшись в салоне казенного транспорта от официантов, чьи ищуще-растерянные взоры в царившей суете Юра хорошо запомнил.

«Одни аферисты вокруг», – горестно вывел он для себя, когда автомобиль остановился у приемного покоя муниципального госпиталя Кони-Айленд.

Ларису, находящуюся в бесчувственном состоянии, унесли в холодно сияющие люминесцентными лампами просторы учреждения, а к Жукову мгновенно приклеился местный менеджер, принявшийся выяснять, кем он приходится пострадавшей, где его документы и документы Ларисы? Юра остро почувствовал, что дело пахнет финансовой ответственностью за медицинские услуги, и он вполне может влипнуть в неясную историю, а потому поспешил заверить настырного служащего, что является попросту сердобольным свидетелем, а после, под предлогом отлучки в туалет, ретировался прочь, пешим порядком добравшись до близкого отсюда дома.

Стояла глубокая ночь, за окном мерно шумел неразличимый океан с мерцающими бортовыми огнями далеких судов, редко вскрикивали чайки.

Не утруждаясь раздумьями, Жуков завалился на широкий матрац и тут же заснул: впереди маячил напряженный трудовой день, и надо было набраться силенок.

Когда полумрак туманного рассвета заполнил комнату, едко скрипнула входная дверь, и приоткрывший сонные веки Юра различил перед собой знакомый силуэт супруги.

Поначалу Жукову показалось, что ему явилось привидение: Лора была боса и одета в застиранную ночную рубашку в мелкий цветочек. На ее голове возвышался марлевый тюрбан, формой напоминавший помятое ведро.

– Вставай, Жуков! – весело изрек призрак.

Издав изумленное мычание, Юра приподнялся на локте.

– Как видишь, жива... – Призрак взял с туалетного столика сигареты, и по комнате потянулся синеватый дымок.

– Ты откуда? – пролепетал Юра.

– Сбежала, – беспечно пояснила Лора. – Страховки нет, а в госпитале пристали: кто такая и давай свой социальный номер! – хрен отвертеться. Ну, я изобразила беспамятство, а сама думаю: ведь насчитают столько, сколько весь их госпиталь стоит... Ну и сдернула. Платье, конечно, жаль, да и туфли...

– А диагноз какой? – окончательно проснулся Жуков.

Пожевав задумчиво губами, Лора неверной рукой ощупала повязку. Шмыгнула плаксиво носом.

– Сотрясение мозга четвертой стадии.

– Во! – сказал Жуков.

– Замерзла, давай кофе пить... – Лора зябко передернула плечами.

– Так ты так и шла? Босиком, в ночнухе?

– Ну... – степенно ответила Лора и хитро ослабилась. – А чего? – беспечно, по-обезьяньи развела руками. – Здесь, знаешь, сколько сумасшедших? Главное, иди своей дорогой и никого не трогай.

– Что здесь дурдом, это точно, – поскреб Юра затылок. – Да! – припомнил он. – Ридикюль твой свистнули, представляешь? А там же деньги...

– Ага, хрен кто угадал! Я их сразу в трусы в туалете запрягла, мало ли что... – И Лора покровительственно рассмеялась. Затем с болезненным вздохом потрогала повязку на голове. – Надо же, как все получилась... – промолвила сокрушенно. – А этот грузин очень волновался, я помню...

– Конечно, бабки отдал, а тебе – каюк, разволнуешься! – подтвердил Жуков.

– Ему уже горевать поздно, поезд ушел, – загадочно сообщила Лора.

– Ты мне когда мои бабки вернешь?! – с напором спросил Юра.

– Это на адвоката... – вполне серьезно объяснила Лариса. – Это неприкосновенно.

– Какой еще адвокат! – Жуков подпрыгнул на матрасе. – Мне-то ты чего втираешь!

– В данном случае дело ведет адвокат, – мерно и убежденно произнесла супруга. – С Вахтангом я шутить не буду. Сам знаешь... – Тон ее приобрел доверительный оттенок. – Грузинская мафия, сплошные воры в законе...

– Он же прокурор!

– Тем более.

– Вот ща влезу тебе в трусы... Там бабки, да?!

– Там сам знаешь, что, – равнодушно сообщила Лора. – Ну, влезай, влезай, коли охота...

– Уже заныкала! – с горьким укором молвил Жуков.

– А как ты думал? Я же не знаю, в каком ты состоянии после вчерашнего...

– Вот ща врежу тебе, и тогда посмотрим на состояние...

– И пойдешь в полицию, – холодно сообщила Лора. – А потом – в Москву! – Добавила с угрозой: – Хочешь? Прямо сейчас устрою...

– Даю два дня, – сказал Жуков устало. – Океан рядом... – Многозначительно кивнул на окно, за которым занимался солнечно-голубой рассвет. – Думай. – И принялся одеваться, пропуская мимо ушей ядовитые реплики, сопровождающие его заявление.

Закрывая входную дверь, он, вытянув шею, заглянул в глубь спальни: Лора уже спала, натянув на себя пухлое одеяло. Виднелся только больничный тюрбан и длинный нос, чутко водящий ноздрями.

Юра сплюнул и, горя безысходным чувством мести, отправился на привычную каторгу.

ГЕНРИ УИТНИ

Большой Босс – удивительное существо. Удивительное прежде всего тем, что, не представляя собой ничего особенного, вызывает у всех безоговорочное почтение и даже сердечную приязнь – хотя – с чего бы? Я знаю его больше десятка лет и к стойким его качествам отношу двуличие, беспримерный цинизм и ледяной расчет, хотя кто из нашего круга лишен подобных достоинств? Но что не отнять от Большого Босса – его обаяние, несомненную эрудицию и умение завораживать своими доводами. Перед тем как уйти в сенат, а затем в правительство, он, как и я, какое-то время трудился в ЦРУ, где заслужил репутацию блестящего аналитика, и сам всякий раз это подчеркивает, однако лично я к подобному утверждению отношусь с немалым сомнением. Но сомнение придерживаю при себе, позволяя в отношении босса определения исключительно превосходной степени, как все из нашего окружения. То ли члены нашего кружка, то бишь Совета, осторожничают в боязни ляпнуть крамолу, а то ли и в самом деле уверились в его непогрешимости.

Последнее – плохо и даже опасно для дела. Я сужу по своим подчиненным. Когда те из них, что занимают среднее положение, начинают верить собственным доводам, это отлично, ибо придает им искренности и убежденности, что само по себе уже превосходная реклама для корпорации. Кроме того, данный фактор определяет ту преданность и тот фанатизм, без которых нет добросовестного работника. Но для высшего руководства подобное недопустимо: когда ты начинаешь свято верить, будто все, что говоришь, и есть истина, то теряешь при этом способность в нужный момент изобретательно и умело соврать. Помимо всего притупляется чувство опасности и видение перспективы.

Большой Босс поднимается с кресла, обходит стол и учтиво протягивает мне свою пухлую, дряблую ладонь.

Сколько его знаю, он совершенно не меняется: тучный, пучеглазый, с пышной седой шевелюрой, тщательно взбитой и уложенной; бело-розовой девичьей кожей, покатыми плечами и слегка горбатой спиной. Ноги при ходьбе он ставит широко и неуверенно, как вышедший из долгого плавания на сушу моряк или как будто в штаны наделал, но суть здесь, видимо, в какой-то болезни. Он вообще не блещет здоровьем: перенес уже две операции на сердце, хотя позволяет себе пригубить сигару и не прочь пропустить стаканчик-другой виски.

– Ну-с? – Он скользит по мне рассеянным взором. Глаза у него тускло-зеленые и сонные, цвета вареной фасоли. – Как Лондон? Я не был в нем уже добрый десяток лет...

Некоторое время мы рассуждаем о провинциальности британской столицы и, одновременно, ее чопорности и дороговизне. Я замечаю о перенасыщенности Лондона всяким отребьем из Азии, Африки и сетую на излишнюю лояльность тамошних властей, что в итоге обойдется Англии потрясениями и деградацией, на что Босс заявляет о неизбежности данного процесса, зашедшего уже безвозвратно далеко.

– Меня беспокоят ваши отношения с «Боингом», – роняет он. И – вскидывает искательно свои всеведущие глумливые глазищи, выдерживая паузу.

– Я всячески стремлюсь к паритету, – обтекаемо произношу я.

– Это правильно, – столь же обтекаемо произносит он.

Компания «Боинг» – мой конкурент. Давний и непримиримый, хотя первое лицо из его руководства входит в Совет и мы подчиняемся общей дисциплине и решениям. С крахом коммунизма мы действовали на российском рынке подчеркнуто независимо, и теперь пожинаем плоды собственных недоговоренностей.

«Боинг», один из лидеров авиастроения, активно принялся разрушать соответствующую промышленность России, навязывая свою продукцию и всячески препятствуя производству продукции местной. Более того: было пролоббировано межправительственное решение о

запрете на ее использование в западных странах – якобы в силу несоответствия современным техническим требованиям. Политика вполне понятная, логичная и несущая нашей нации очевидные выгоды. Однако когда был объявлен конкурс на создание новых ракетоносителей под развитие телекоммуникаций, а это уже мой бизнес! – «Боинг» влез и сюда, причем, используя свое влияние в конгрессе, добился решения об объявлении победителями конкурса двух компаний – своей и моей, хотя мой ракетоноситель, снабженный русским двигателем, был абсолютным и безоговорочным лидером. Для России же появление в тендере «Боинга» носило роковой и дискриминационный характер, поскольку общий контракт НАСА на двигатели теперь разбивался на две части. Положение дел, конечно, выправляла моя компания, спасающая ракетную фирму русских от банкротства и неминуемой разлухи.

– До того момента, покуда не начались трения, – сообщаю я Большому Боссу, – я уже инвестировал в российскую экономику около миллиарда, и этот факт вам хорошо известен. Сто тридцать семь миллионов ушло под проект нового двигателя, и я не только заинтересован вернуть эти деньги обратно, но и получить прибыль от использования спутников. Что инвестировал «Боинг»? Что инвестировал его покровитель мистер Пратт?

– У вас разная политика...

– У меня политика серьезного и глобального бизнеса, – говорю я. – А вы знаете, сколько приходится преодолевать сложностей в той же России? Хотя бы – связанных с ее крючкова-тым законодательством? С ее тотальной коррупцией и взятками? Пратт мыслит линейно: конкурента надо уничтожить, не идя на затраты. Подобно мыслили монголы, оставляя за собой выжженные селения.

– Не только монголы...

– Да, но я полагаю, что селения и умелые руки надо сохранить. Как? Купить. Недорого и выгодно. Все это в итоге будет работать на нас. Под снос должна идти явная рухлядь. А что получается? «Боинг» заинтересован в блокировании не только интересов России, но и моих. Он хочет заграбастать весь контракт на полтора миллиарда долларов.

– Но это невозможно... – кривится Большой Босс. – Для этого им придется произвести двигатели в США дешевле, нежели они производятся в Москве.

– Именно. Или – опорочить российские технологии, чем они и заняты. Кроме того: в Москве у них нет никакого прямого влияния в ракетной фирме.

Тут я прикусываю язык. Говорить о том, что я пытаюсь завладеть блокирующим пакетом российского предприятия через махинации с использованием местной финансовой структуры, не следует. Пратт покуда до этого не додумался, а я уже поставил идею на прочные рельсы.

– Но вы же не против, если контракт будет разделен поровну? – с нажимом вопрошает Большой Босс.

– Он и так разделен поровну, – отвечаю я.

Повисает пауза. Ее следует срочно заполнить, ибо, дай я сейчас лживые гарантии, что откажусь от элемента соревновательности и стану прилежным мальчиком, пляшущим под дуду мистера Пратта, – попаду в неловкое положение. В итоге меня объявят вероломным обманщиком. А не бери я на себя никаких обязательств, не будет и претензий.

– В конце концов, я не лезу в авиацию, пускай они оставят в покое космос, – говорю я, заведомо сознавая всю глупость подобного заявления. Но оно, как и предполагалось, сбивает строй мыслей Большого Босса.

– Вы рассуждаете наивно, Генри... – В голосе его звучит участливая покровительственная.

– Да, я говорю о желаемом... Но если такое желаемое претворится в действительность, хуже не будет.

– Хорошо, я готов выступить в качестве рефери, – подводит итог Большой Босс, очевидно, утомившись от моего отпора и от всей сложности обсуждаемого вопроса.

Наверняка после моего ухода он свяжется с Праттом и скажет ему, чтобы тот сбавил обороты и выждал время. При этом сошлется на какие-нибудь таинственные события, должны произойти в скором будущем, то есть – невесть когда, и благотворно повлиять на проблему. Это его обычный прием. Большой Босс любит принимать неопределенные решения – авось жизнь сама рассудит, что к чему. А если принимает определенные решения, то формулирует их также неопределенно, понимай, как знаешь. Если исходить из подобной логики, он наверняка страдает запорами.

По-моему, он все-таки лентяй, не желающий ни с кем из нас – своими финансистами, – обострять отношения, хотя все мы его всерьез побаиваемся. Вернее, мы побаиваемся друг друга, но наши страхи проходят через него, как через фильтр, концентрируясь в нем. Посему Большой Босс воплощает самую реальность опасности. Но эта его половинчатость нас всех когда-нибудь погубит, точно.

– Как дочь? Ты еще не ждешь внуков? – переводит он разговор на нейтральную тему.

Я горестно вздыхаю, а затем сетую на никчемность и разбросанность нашей молодежи.

– Пора думать о преемниках... – веско и двусмысленно произносит Большой Босс.

– То есть? – невольно настораживаюсь я.

– Знаете, Генри, – тон его приобретает дружескую конфиденциальность, – я хотел бы поговорить с вами об одной существенной вещи... Мои проблемы со здоровьем зашли далеко, и я волей-неволей озабочен, вероятно, скорой передачей дел... Не перебивайте! – Заметив, как я возмущенно подскакиваю в кресле, он выставляет вперед ладонь. – Я готов остаться в Совете в качестве доверенного лица председателя, но о кандидатуре самого председателя уже сейчас следует крепко подумать. И такой кандидатурой я вижу именно вас.

Мимикой я изображаю недоумение, но одновременно и уважительное внимание к его монологу. Подозреваю, лукавому. Задумчивую беседу на данную тему эта бестия, возможно, вела или будет вести не только со мной.

Занять его место – нешуточное дело. Большому Боссу подконтрольна святая святых – Федеральная резервная система, не подвластная ни президенту, ни правительству, ни министерству финансов, а лишь властительным акционерам всех ее трех составляющих в Кливленде, Бостоне и в Атланте.

– Я говорю искренне, это не какая-нибудь дешевая проверка, – откликаясь на мои мысли, продолжает он усталым голосом. – Я просто более всего доверяю вам, Уитни. К тому же вы человек специальной закалки, мы прошли одну и ту же школу...

Это намек на наше прошлое рыцарей плаща и кинжала. Кстати, к моему давнему роду деятельности сей образ вполне применим. В молодости мне приходилось обстрипывать горяченькие делишки, на которые едва ли сгодились бы чистоплюи из аналитического департамента, если и нюхавшие порох, то только в комфортабельном тире.

– Коли речь идет о моем согласии, – говорю я, – можете им заручиться, хотя, надеюсь, наш разговор преждевременен и никаких обязательств с собой не несет.

Все-таки во мне пропал великий дипломат... Я великодушно даю ему фору для дальнейшего маневра. Будет ли она оценена в должной мере?

– Разговор, увы, актуален, – звучит ответ. – Не чересчур, но позаботиться о преемнике мне уже следует. Ах, вот еще что! – вспоминает он. – Курт Эверхарт – ваш родственник, если не ошибаюсь?

Курт – мой покойный двоюродный брат. Впрочем, даже не брат. Сын мужа сестры моей матери от первого брака. Я не видел его около тридцати лет, с той поры, когда он уехал в Германию к своим истинным родственникам, женился там и прочно обосновался.

– Давно ничего о нем не слышал, – отвечаю я. – Но воспоминания о нем самые теплые.

– Тут случилась одна занятная история, – говорит Босс. – На горизонте возник ваш племянник... Вы хоть знаете, что у него был, то есть существует, сын? Его зовут Роланд.

Я и в самом деле чего-то слышал, а потому киваю.

– Он профессиональный военный, правда, в отставке...

– Сколько же ему лет? Или его выгнали со службы? – догадываюсь я.

– Дело не в том... Он полезный парень, работал на нас...

– Ах, вот как... – Я принимаю глубокомысленный вид, хотя мало что понимаю. То ли имеются в виду секретные службы, то ли – Совет? Хотя одно другому нисколько не противоречит, даже наоборот.

– Последнее время он воевал в России, в Чечне, был там то ли инструктором, то ли... В общем, неважно. Возвращаться в Германию ему сейчас нецелесообразно, там некоторые проблемы... Короче, возник вопрос: как с ним обойтись? Разбрасываться кадрами или же предоставлять их на волю рока не в наших правилах, тем более, если они являются родственниками уважаемых людей... Поэтому, если вы пожелаете взять над ним попечительство...

– Что от меня требуется?

– Только волеизъявление. Если вы не против, пусть он пересидит в Америке некоторое время под вашим крылом. Возьмите его... охранником, например...

– Он – кадровый офицер ЦРУ, я так понимаю?

– Не совсем...

– Я надеюсь, он не бандит? – срывается у меня невольный вопрос.

– Он профессионал, но вполне цивилизованный...

– Представляю себе...

– Так вы против?

– Ладно, давайте посмотрим...

Секретарша приносит нам кофе, печенье и фруктовые сладости.

Секретарши у Большого Босса – как на подбор, все лапочки, и все с изюминкой. Нынешняя – худенькая изящная шатенка с гибкой фигурой и нежным личиком, просто загляденье. Я еще в приемной ее отметил – прелесть девочка! А улыбка, обнажающая здоровые ровные зубки, досадно напоминающие мне о своих протезах, просто обезоруживает. Если бы еще не опыт в глазах... Что ж, жизнь беспощадна.

– Хороша, да? – кивая на дверь, за которой, вильнув, скрылась округлая попка, спрашивает меня Большой Босс. – Если есть желание, могу взять ее на какой-нибудь раут... Ты только позвони и напомни.

– Следует подумать, – соглашаюсь я.

Подобного рода разговоры среди членов нашего Совета не редкость, и ничего предвещательного в них мы не видим. Как и в том, чтобы поразвлечься на стороне. Даже с чужими женами. Главное, чтобы это не были жены членов Совета. Или пусть будут жены членов, но тогда дело не должно иметь огласки. В случае с женами никому не знакомых людей огласка вполне возможна. Она даже преисполняет нас взаимного доверия. Моветон – разговоры о какой-нибудь влюбленности, это настораживает, ибо свидетельствует о нестойкости характера, а значит, и деловых качеств. Хотя к женитьбе после развода отношение у нас лояльное, даже положительное, и, подозреваю, в нем есть элемент зависти. Позитивный отклик вызывают подробности об отношениях с иностранками, особенно экзотическими, с каких-нибудь островов. В данном варианте мы снисходительны даже к несовершеннолетнему возрасту дам, хотя случись такое похождение здесь, в Америке, это бы не приветствовалось. Мы все-таки уважаем законы. Кстати, у Пратта, кому под шестьдесят, двадцатилетняя любовница, и это нас здорово шокирует. Безнравственность такой связи очевидна. Но сукин сын он, безусловно, везучий!

Звонит телефон. Это жена. Мне сообщается прекрасная новость: Патрик наконец-то обкакался! Миленький мой, какая же ты умница! Дело явно пошло на поправку...

С сердца у меня срывается камень. Меня переполняет радость, и ей мне хочется поделиться даже с Большим Боссом, но делать этого не стоит. Во-первых, я не люблю высказывать

своей сентиментальности, ибо, обнаружив такое качество, им поспешат воспользоваться; во-вторых, последует сочувственная и пустая беседа, которая только отнимет время; в-третьих, меня поджигает расписание, где помимо двух деловых встреч еще и адюльтер с моей постоянной подругой Алисой. Тащиться к Алисе мне категорически неохота, лучше бы отправиться домой, но ей я не уделял внимания уже месяц, в голосе ее появилось вызывающее равнодушие, а это значит, перегни я палку, могу остаться без шикарной любовницы. На день сегодняшний она мне несколько поднадоела, однако завтрашний день способен все круто перевернуть и оставить меня, что называется, с носом. Возможно и другое, вульгарное определение.

Теперь предстоит завершить беседу с Большим Боссом. Причем так, чтобы он не возвратился к ее главной теме – мерзавцу Пратту и его гнусным интригам.

– Этот мой... родственник... – говорю я. – Роланд Эверхарт. М-да. Какие у него неприятности в Германии? Мне все-таки хотелось бы знать.

– Ну... Печальные события одиннадцатого... – мямлит Большой Босс. – Он был связан с теми, кто... Вы понимаете... Некоторое время исполнители жили в Германии, общались с ним; теперь имя его всплыло, к нему есть вопросы со стороны всякого рода властей... Вопросы общего порядка, но... Но зачем они ему и тем более – нам?

Данный ответ переводится так: арабские террористы, взорвавшие Торговый центр, некоторое время жили в Германии, на их тамошний след вышли, и теперь распутывают клубок их связей. Мой якобы племянничек в данном расследовании фигурирует. И, думается, существенным образом. Теперь мне предоставляют возможность о нем позаботиться. С какой целью? Или это всего лишь тест? Прояви я безразличие к судьбе этого Роланда, его спишут в утиль; вырази я согласие, с кардинальными мерами повременят... Если логика ситуации такова, спасение пусть дальнего, но родственника – дело святое.

– Понятно, – равнодушно роняю я, вставая из кресла.

Поднимается из кресла и Большой Босс, обходит свой роскошный письменный стол, уставленный шкатулками из малахита, наборами золотых перьевых ручек, внушительными сафьяновыми папками с разнообразными гербами. С нарочитой учтивостью склоняясь, пожимает мне руку.

О Пратте – ни слова. Хорошо это или плохо – не знаю. Я спешу ретироваться.

Настроение у меня подпорчено. Я опять вижу перед собой картины, которые стараюсь изгнать из памяти. Первая: сияющий над Манхэттенем солнечный день, синь океана, стеклянная стена зданий делового центра, их нерушимая, казалось бы, цитадель, а слава и гордость ее – два стремительно уходящих в небо параллелепипеда «близнецов» с неразличимыми ячейками окон... И картина вторая: беспомощно машущая какой-то тряпчонкой, как флагом капитуляции, из одного из окон рука уже обреченного человечка, и – неловко заваливающаяся в клубах черного дыма крыша небоскреба...

Знать ничего не хочу! Не хочу и – баста! Лично я никогда бы не пошел на такое, будь оно оправдано всеми национальными интересами и самым светлым будущим нашей империи. Но попробуй что-нибудь пикни против наших гиеноподобных стратегов! Я часто задаюсь вопросом: а может, они вовсе и не люди? Может, в их оболочке – какие-нибудь пришельцы из дальнего космоса?

Все они достаточно почтенного возраста, дружелюбные, степенные и удовлетворенные. Учтивые и безмолвные, когда выслушивают доклады на наших совещаниях, они похожи на мертвецов. Они восседают на олимпах своих корпораций, и не утруждают себя никакой текучкой, принимая исключительно генеральные решения. Они лишь в общем знают, кто и какими делами заправляет в их конторах, но, главное, дела идут. Я, впрочем, в этом смысле ничем от них не отличаюсь. Единственно сомневаюсь, что вся наша политика, направленная сугубо на благо нации, кончится добром. И таким же образом, каким рассыпались в едкий и вонючий

прах сияющие башни Манхэттена, рухнет, превратившись в окаменелое дерьмо, вся западная цивилизация. Отчасти – из-за наших же благих намерений.

Тут уместно припомнить прогнозы Большого Босса. Мол, теперь, после чудовищного (какой лицемер!) сентябрьского взрыва, у нас полностью развязаны руки, и для борьбы с терроризмом мы получаем зеленый свет на всех путях и дорогах. А это означает победоносное военное присутствие везде и всюду, тотальный контроль над нефтеносными регионами, бурный рост экономики... Но так ли мечты соотносятся с реальностью? Да, Америке придано движение, но теперь только попробуй мы сбавить темпы!

Еще мальчишкой во Флориде, ловя на удочку с бота небольших акул и помещая их в пластиковую бочку, стоящую на борту, я с жалостью и недоумением наблюдал, как ловкая и стремительная рыба, теряя возможность движения в замкнутом пространстве, утрачивает и возможность дышать, мгновенно и неотвратимо погибая. Акула не может жить без движения. Мы также обречены на это.

Но для движения вперед необходим оптимизм. В первую очередь тем, кто возглавляет движение. Среди этой категории наличие вдохновения и надежды я вижу лишь в дураках, которые, дай им волю, разворотят всю планету, как обезьяны сливочный торт. Да и вообще уверен, что политика не в состоянии вывести нас из кризиса, ибо наш кризис в первую очередь духовен, а лишь во вторую – материален. Наши женщины не хотят рожать детей, им более важна карьера и развлечения, в стране каждый год погибает миллион несостоявшихся младенцев, поскольку детоубийство легализовано законом, католические ценности осквернены «новой культурой», позволяющей представлять Христа и Деву Марию в самых кощунственных образах, герои прошлого также вывалены в грязь, детей в школах учат технике плотских извращений, а между тем как показывает история, великие государства и животные стандарты поведения способны сосуществовать лишь краткий период времени.

Земные утехы стали для нас выше небесных благ, а качество жизни предпочтительнее ее святости. Мы планомерно разгромили всю христианскую основу общества, и сам Верховный суд одобрил изгнание всех его символов из публичных школ. Гимны «Вперед, Христовы воины» и «Я солдат Христа» отвергнуты, как чрезмерно воинственные. «Господь, Отец людей» назван шовинистическим. Молитвы в школе, по мнению юристов, нарушают Первую поправку. А вот порнофильмы ничуть не вредят молодежи. Напротив, детям следует прививать терпимость ко всем образам жизни, проповедовать им «репродуктивную свободу», обозначать для них грех, как болезнь, а священника подменять психоаналитиком. То, что наши дети уже не ведают, кто такой Магеллан, Кортес, Генри Гудзон, никого не беспокоит. Выросло новое поколение, для которого культурная революция – вовсе и не революция, а сама культура, впитанная ими с пеленок. Гомосексуализм, наркотики, сквернословие в кинофильмах и в песнях – абсолютно привычные для них явления. Матом они не ругаются, они на нем говорят. И что нам ждать от этого поколения? Каких свершений?

Мало кто понимает, что мы дочерпываем возможности потребительского развития и тупик в нескольких шагах от нас. Не понимают, или не хотят понимать этого и члены Совета. Им нет разницы, за счет кого обретается нажива: за счет своих или чужих. Цифры наших состояний обезличивают смысл денег, идет игра на увеличение цифр, игра ради игры. Раздуваются пузыри, в скором времени должны лопнуть. И вот тогда нашему обывателю, отчего-то уверенному в своей исключительности, придется туго. Наш обыватель считает себя обладателем куда больших прав на жизнь, чем любой иной обитатель планеты. Это вложено ему в голову с детства. Столь же твердо он верит в постулат о равенстве и братстве между народами. Но, затронь его личные интересы, цена постулату не составит и медного цента. И когда грянет катастрофа, начнется хаос, грызня индивидуалистов за собственное существование.

В Совете это неприличная и болезненная тема. Но каждый из нас в глубине души понимает, что решением ее вскоре придется заняться. И не ошибусь, что наш эгоизм ничем не

лучше эгоизма масс. И все мы вскользь думаем о космополитизме и нашего сознания, и наших транснациональных капиталов. Посему лично мной уже давно руководит стылый героический пессимизм.

У меня куча всяких болезней. Пока, правда, мелких, но когда-нибудь объединенными усилиями они устроят мне одну, а то и две внушительных. У меня скрытый разлад в семье и двое детей, в чей мир у меня нет доступа, абсолютно равнодушных ко мне и к моим делам, но которых я люблю и о которых забочусь. Теперь еще у меня и больной кот. В моих компаниях работают сотни неблагополучных людей с нездоровой психикой, и у многих из них такие же проблемные семьи. Мою душу постоянно гнетет неосознанная тревога. В моей голове крутятся мысли об обвальной инфляции, эпидемии наркомании, фатальном изменении климата, лжи и порочности человеческого бытия, уже полностью зависимого от технократии. Эти компьютеры, мобильные телефоны и спутники, эти уже привычные протезы нашей цивилизации, ничего стабильного нам не сулят. Вокруг – сплошное насилие и скрытно диктующий все человеческие устремления секс. Повсюду извращенцы и сумасшедшие, маскирующиеся под нормальных людей. Они – постоянная угроза и для меня, и для моей семьи, даже не представляющей всей опасности нашего положения. Катастрофа может грянуть тогда, когда меня настигнет старость, и я не смогу помочь ни себе, ни им. Новая культура ниспровергла все наши былые ценности, стандарты истины, этики, справедливости, в том числе – веру в Бога, и теперь приходится прилаживаться к ее победному шествию, с горечью постигая кардинальное обновление образа мыслей нового поколения. И этот сдвиг в человеческом мышлении определит всю дальнейшую историю, полагаю, безрадостную.

И вот на своем старом горбу я должен вынести агонию американской цивилизации и всю несостоятельность нашей нынешней политики, экономики и нравственности. И в скором времени предполагается, что я возглавлю Большой Совет. У меня нет на это ни сил, ни духа. Но я с недоумением сознаю, что это место мне нравится и я совершенно не против такой идеи.

МАКСИМ ТРОФИМОВ

Я вынырнул в довольно странную реальность, поначалу показавшуюся мне сном. Я лежал на широкой и низкой кровати в полутемной комнате с тяжелыми шторами на окнах. Пробивающийся в их щели свет тускленько озарял крашеный коричневым суриком деревянный пол, простенькую мебель – стол с парой стульев, тумбочку с телевизором и завешанные коврами стены.

Как нечто привидевшееся я вспомнил бой, свое падение в черноту, но последующее ощущение тупой боли в плече подтвердило, что бой был и закончился для нас плачевно, а вот каким образом я оказался в мирной и сонной комнатке неизвестного населенного пункта – загадка.

Скрипнула дверь, и в ее проем влезла любопытствующая бородатая физиономия.

Одного взгляда на физиономию мне хватило, чтобы осознать свое положение: я у чеченских боевиков. А, судя по тому, что лежу на чистой простынке, а на плече у меня беленькая, отпахивающая йодом повязка, мой спасительный план сработал: меня приняли за Томаса Левинтона, захваченного в плен российским спецназом и, соответственно, из плена вызволили.

Заметив мой осмысленный взор, торчащая в двери голова с иссиня-черной бородой, осветилась:

– Ты как, брат?

Вопрос прозвучал по-русски, с явным местным акцентом. Из всех кавказских народов только у чеченцев такой акцент – резкий, с оттенком угрозы и пренебрежения.

– О'кей... – обтекаемо выдохнул я.

Вслед за головой в комнату протиснулось громоздкое, широкоплечее туловище в камуфляже.

Подойдя к кровати, бородач присел на нее край и, бесстрастным взглядом уставившись на меня, продолжил:

– Ты у своих, не беспокойся. Раны твои – пустяк, но сутки должен отлежаться. – Не дождавшись от меня ответа, с некоторой растерянностью произнес: – Аслан сказал, по-русски ты понимаешь, ведь да?

Я кивнул.

– С Асланом мы связались, он хотел сюда с ребятами идти, но сейчас нельзя: русаки все перекрыли, скоро появятся здесь.

Хорошо, что здесь не появится этот самый Аслан, подумал я, представив себе нашу встречу и мое плачевное будущее, связанное с ней.

– Пришел приказ от твоих, – сказал бородач. – Обрати тебе надо. Домой. Аслан сказал, через Грузию поедешь. В Грузию сегодня бы надо идти. Как, сможешь? Русаки кольцо замкнут, тяжело будет...

Я снова кивнул и сделал попытку встать с кровати. С помощью бородача, участливо державшего меня под локоть, попытка обрести вертикальное положение мне довольно легко удалась.

Босой, в одних трусах, я осторожно прошелся по комнате, прислушиваясь к своему организму. По-прежнему ныло плечо, и затаившаяся боль была готова вернуться при любом резком движении, но онемение руки спало, я свободно шевелил кончиками пальцев, а вот голова была тяжелой и мутной, но, главное, соображала. И еще: очень хотелось есть. Но в первую очередь предстояло определиться с лексикой своего общения с горными орлами. Я решил оперировать рублеными фразами, привнося в них умеренный английский акцент.

– Давай еда, – сказал я.

– О! – радостно осклабился бородач. – Хорошо сказал! Все сейчас будет, сюда принесут! Аслан верно говорил: этот парень из скалы сделан, таких убить никаких пуль не хватит!

Для англичанина хватило одной, подумал я, но озвучивать данную мысль воздержался.

Подойдя к окну, пальцем отодвинул штору и выглянул на улицу.

Сюрприз! Я находился в хорошо знакомом мне поселке, который не единожды проезжал на броне. Глухие железные ворота, находившиеся напротив, отлично помнил. Вернее, три пулевых пробоины в одной из их створок, окрашенных голубенькой масляной краской, – следы бесконечной здешней войны.

Значит, тащили меня сюда с десятков километров, не меньше. Сейчас утро. То есть в беспамятстве я пребывал неполные сутки. Исходя из слов боевика, запоздавшее подкрепление нашло нашу разгромленную группу, и сейчас принимаются широкомасштабные меры по розыску отрядов противника. В скором времени в поселок войдут войска. Встреча с ними в планы «духов» не входит, им надо раствориться в горах, прихватив с собою меня – важного, как понимаю, иностранного соратника.

Лично мне топать в горы без надобности, а тем более перекочевывать с плохими ребятами в недружественную на сей исторический момент Грузию. Сослаться на неважное самочувствие? Можно, но согласятся ли боевики на то, чтобы оставить меня в селении? Если Томас Левинтон – потенциальный источник серьезной информации, то такой подарок российским спецслужбам никто не преподнесет. Значит, дело пахнет ликвидацией.

Вспомнились мои неприятности из той, теперь далекой и, как показалось, уже невозвратимой жизни. Вот уж – действительно: от медведя пятился, на волка нарвался... Как выкрутиться?

Додумать я не успел: вновь растворилась дверь, и в щель ее просунулась очередная бородастая рожа. На сей раз борода была рыжей.

Увидев меня, стойко державшегося на ногах, рожа расплылась в одобрительной усмешке, а затем в комнату вошел подтянутый рослый парень.

Кивнув на меня, произнес нечто вопросительное в сторону соотечественника, и тот утвердительно промычал. Как понимаю, речь шла о моем самочувствии, идущем на поправку.

После чечены озабоченно пошушукались, и рыжебородый, судя по повадкам, главный, сказал, обращаясь ко мне:

– Русаки близко, тебе надо есть, пить, и – уходим. Одежду сейчас принесут.

Я присел на кровать, ощущая неумную дрожь в ногах. Ходок из меня был неважный. Во всех смыслах. Пару деньков мне точно следовало бы отвалиться в постели.

Будто отгадав мои мысли, бородачи коротко и сумрачно переглянулись. Их взгляды подтвердили мои наихудшие опасения: оставлять меня здесь живым они не собирались.

Я через силу улыбнулся. Спросил насмешливо и надменно:

– Еда где?

– Сейчас...

Боевики вышли из комнаты. Я кожей чувствовал, что их первоначальная доброжелательность сменилась иными чувствами. То ли я вызвал подозрения самой своей личностью, то ли их озаботило, способен ли я вынести предстоящий переход?

Следом в комнате появились две молчаливые женщины неопределенного возраста; в сереньких платицах, платках, с одинаково невыразительными лицами.

Одна из них принесла одежду, положив ее на стул, другая – пластиковый поднос с едой, поставив его на стол.

Не проронив ни слова и ни разу не взглянув в мою сторону, женщины вышли.

Первым делом я решил подзаправиться. И было чем: огромное блюдо с горячей постной бараниной, усыпанной зеленым и репчатым луком; свежие молодые огурчики и – теплый белый хлеб домашней выпечки.

Запив обильную трапезу горячим крепким чаем, я принялся одеваться. И, едва зашнуровал ботинки, в комнату вновь шагнули знакомые бородачи.

– Хорошо поел?

– Спасибо, – ответил я по-английски, исподлобья глядя на них.

– Гут, гут, – усмехнувшись, произнес рыжебородый. – Готов идти?

– Ноу проблем, – ответил я.

Такой ответ боевикам понравился. Выжидающая напряженность их лиц смягчилась.

– Паспорт? – спросил я.

Порывшись в нагрудном кармане куртки, чернобородый извлек мой паспорт, вежливо передал его мне. Такой его поступок я посчитал благоприятным знаком, хотя тешиться иллюзиями не стоило. С изысканным вероломством горцев – чутких и тонких психологов, я стал кивался не раз.

Мы вышли из дома. На заднем дворике, возле ветхого сарая, сидели на корточках, локтями подобрав к животам автоматы, еще трое «духов». Бород у них не было, но зверские морды отличала изрядная небритость. Из дощатого сортира, застегивая на ходу штаны, вышел еще один персонаж – тощий долговязый негр с курчавой бородкой. На голове его красовалась милицейская кепчонка с матерчатым козырьком. С отодранной российской эмблемой, само собой.

– Хелло, – равнодушно бросил он мне.

– Хай, – в тон ему отозвался я.

Компания молча поднялась и, подхватив потерянные вещмешки, двинулась к плетеной изгороди, за которой начинался пологий каменистый откос. На утреннем солнце редко вспыхивал кварц в россыпях корявых булыжников на едва различимой тропе.

Один из боевиков, как я заметил, сильно хромал, и это меня, покрывшегося от внезапной слабости противным холодным потом, порадовало: темп будет неспешным, я его выдержу. В Грузию, видимо, уходят на лечение подранки.

Мы двигались цепью, и в ней я шел вторым, причем данное место мне было ненавязчиво, но весьма определенно указано. Что наводило на размышления. Меня явно держали под неусыпным контролем, хотя героической возможности перебить врагов и попытаться возвратиться к своим, не было никакой. С каждым часом мне все труднее давались шаги, совершенно онемела левая рука, висевшая на матерчатой перевязи, а в плечо будто вставили паяльник.

Лишних вопросов я не задавал, предполагая, что англичанин располагал информацией, ни в коем случае не должной попасть к противнику. Теперь под конвоем он выводится из зоны активных действий.

На привале хромой боевик осмотрел повязку, перехватившую икроножную мышцу. Края бинта туго врезались в опухшую бордовую кожу, – признак серьезного нагноения.

– Конэц нога, – вздохнул он.

– Ничего, протез будет, – беспечно откликнулся негр.

Злобно уставившись на него, хромой сказал:

– Тэбэ ничего, да.

– Сейчас протез лучше, чем настоящий нога делают, – утешил негр. – Только деньги плати. А деньги есть, не за просто так воеваем!

Противоречить данному утверждению никто из нашего собрания не стал. Я, кстати, давно заметил, что проповеди о великой и могучей мусульманской империи, должной в ближайшее время раскинуться от Памира до Балкан, за чье будущее величие воевали боевики, эти проповеди воспринимались ими благосклонно, но как-то вскользь. К оплате же за боевые услуги, напротив, проявлялся энергичный и весьма конкретный интерес, перекрывавший все идеологические постулаты. А вот наши ребята в большинстве своем лили тут кровь бесплатно. И добровольно. За Россию-матушку. Хотя и подворовывали. И редко кто брезговал трофеями. Что сказать? Не идеален человек. Но, так или иначе, героизм наш несомненен, хотя бы потому,

что лезть под пули, зная, что деловая публика сколачивает на войне и на твоей шкуре состояния и предаст тебя, не раздумывая, это какой же логикой надо руководствоваться? Типично русской...

– Ему хорошо, – сказал негр, указав на меня. – Деньги сразу в банк, с собой не носи, нигде не прячь... Так, да?

Вместо ответа я посмотрел на него с холодным выразительным недоумением и, поняв, что пояснений с моей стороны не последует, чернокожий наймит придал теме иной оттенок:

– Сколько здесь денег под камнем лежит, только Аллах знает, – продолжил он. – А хозяева теперь к нему в гости пошли...

– Пять лет пройдет, никому эти доллары не нужны будут, – заметил рыжебородый.

– Почему? – угрюмо спросил я.

– Тут государство Ичкерия будет, – назидательно ответил он. – Свои деньги иметь будем.

– Не-ет... – протянул негр. – Здесь будет часть от большой государства с мусульманский король. И столица, наверно, Аддис-Абеба.

– Какой еще «аддидас»? – с пренебрежением спросил хромой.

– Такой есть мой город, – заявил негр.

– Мулла сказал, столица Мекка будет, а еще вторая – в Чечня, – возразил один из боевиков.

– Никакой не Чечня! – замотал головой негр. – Что Чечня? Она меньше моя жопа. А вы тут триста лет порядок никак не сделаете! Без нас тут русский давно тебе башка оторвал!

– Ты почему Чечня жопа сказал? – окрысился хромой.

– Потому что... она далеко от голова, – простодушно сообщил негр и картинно развел руками – длинными и сухими, как лапы паука.

В свою очередь, хромой тоже дернул рукой в коротком и брезгливом жесте, направленном в сторону оппонента, и тот, к немалому моему удивлению, вдруг выпучил изумленно глаза и начал медленно заваливаться набок. После негр засучил ногами, будто вытирал подошвы о каменистый грунт и – затих. Только тут я заметил торчащую из его груди рукоять ножа.

– Ты чего сделал, Тимур?! – вскричал, вскакивая с места, рыжебородый.

– Он Родина моя оскорбил, урод тропический, – веско объяснил хромой, приступивший к осмотру карманов убитого. – И вчера в карты неправильно со мной играл, на три тысячи меня, шакал, обманул.

Из-под куртки покойника он выдернул кожаную поясную сумку, расстегнул ее, вытряхнув на землю документы и несколько пачек долларов.

– Три – мои, поровну другие, – провозгласил деловито и умиротворенно.

– Все поровну, – грозно и тихо поправил его рыжебородый.

С внимательной неприязнью посмотрев командиру в глаза и, встретив ответный взгляд, не предвещающий и намек на компромисс, хромой, поиграв бровями, покладисто заявил:

– Тимур никогда жадный не был, сам знаешь.

Разделив деньги, бандиты, не удосужась даже прикопать труп, собрались в дальнейшую дорогу.

– Пошли, – стесненно кашлянув, обратился ко мне рыжебородый. Подумав, добавил: – Ты бы никогда так о моей стране не сказал, правильно?

Я ответил неопределенным кивком. Я старался выжить.

АБУ КАМИЛЬ. ДО 11.09.2001 г

Их поселили в небольшом городке под Вашингтоном, в доме, принадлежавшем ЦРУ.

На тихих зеленых улицах царило спокойствие, в саду пели птицы, чистота дорог и тротуаров поражала воображение, как, впрочем, и десятки мелких бытовых удобств. С другой стороны, обилие удобств не соответствовало скудости свободного времени у здешнего населения, чтобы в полной мере воспользоваться ими. Вся жизнь американцев, как отметил Абу, была заполнена работой и только работой. Непрерывающаяся, расписанная по минутам гонка и постоянная экономия. Наслаждаться же плодами своих трудов здесь не умели. Возникал вопрос: какой в этих трудах смысл?

Каждое утро к Абу приезжали люди из ЦРУ, усаживались за пластиковым столиком на заднем дворике, под навесом, увитым виноградными лозами и, попивая кофе, приготовленный Мариам, дотошно расспрашивали подопечного о его прошлой жизни.

Вскоре он получил право временного проживания в США, документы с новым именем и предложение работы в одной из компаний, занимающихся ремонтом двигателей для малой авиации.

Компания располагалась во Флориде, в одном из небольших городков, и Абу без раздумий перебрался туда, понимая, что капризы в его положении неуместны. Собственно, ЦРУ позаботилось о нем основательно, подтвердив известные ему слухи о рачительном отношении американцев к своей добросовестной агентуре.

Хозяин компании – Эдвин Парт – грузный, седобородый добряк с румяным лицом и прозрачными голубыми глазами младенца, неторопливый и рассудительный, помог Абу снять небольшой дом поблизости от офиса компании, отдал одну из своих машин – старенькую, но исправную, и взял в подмастерья с зарплатой пять долларов в час.

– Ты молод, и тебе надо учиться, – толковывал Эдвин Абу, прилежно внимающему его наставлениям. – Чем не профессия – летчик гражданской авиации? Прекрасная зарплата и надежное будущее. Но тебе нужна лицензия. Запомни: теперь ты живешь в стране лицензий. Без них – никуда. По закону ты даже не имеешь права заменить розетку в собственном доме без окончания курсов электриков.

Однако чтобы получить лицензию, требовались деньги. Лицензия же летчика стоила тысячи долларов, а Абу, хотя и трудился без выходных по десять часов в сутки, зарабатывал лишь на то, чтобы свести концы с концами. Мариам, не знавшая языка, с трудом устроилась сортировщицей продуктов в супермаркет, однако тщательность и трудолюбие новой работницы было сразу отмечено, и вскоре ее перевели в менеджеры.

Жизнь мало-помалу налаживалась, среда обитания становилась привычной, но душа Абу тяготилась чужбиной. Иностранность нового бытия угнетала. Едва он отрывался от дел, его охватывало смятение и даже страх. Это страдание становилось неотвязным. Та же удрученность поразила и Мариам, хотя она тщательно старалась не выказывать ее.

Абу понимал: они чужие в этой стране, пронизанной иной энергетикой, наполненной смыслом других ценностей, что в итоге сводилось лишь к обретению материального благополучия, но и не более того. Жившие здесь люди были, казалось бы, участливы и любезны друг к другу, но на самом деле глубоко друг от друга отчуждены. Их общие интересы воплощались в одно: доллар. И все отношения строились исключительно на основе его извлечения в свою и только в свою индивидуальную пользу. Это была основа здешнего бытия, и любой пришелец обязан был принять ее и подчиниться ей, заведомо лишаясь выбора, ибо выбора не существовало. Как не существовало и скидок на чужестранное происхождение. Оказавшись в Америке, любой человек незамедлительно и радикально был обязан превратиться в американца – если не по духу, то по образу действий, иного не допускала сама система жизни. Праздных туристов

и расхлябанных неумех здесь попросту не воспринимали, и любое проявление иррациональности без долгих раздумий отождествлялось с никчемностью личности или события.

Однако, многократно увеличивая собственность, американцы, как заметил Абу, обесценивали саму свою жизнь. Продлевая ее годы, они не умели наполнить их самой жизнью. Их автостреды становились шире, а точка зрения – уже. Все больше покупая, они все меньше наслаждались приобретенным. Покоряя внешний мир, они не удосуживались осознать свой собственный. Эти люди умели спешить, но не умели ждать. В изысканных домах жили в неприязни друг к другу скрытые семьи. Высокие прибыли соседствовали с мелочностью отношений. Рослые мужчины обладали интеллектом пигмеев. Красивые женщины умели любить только себя. Улыбки были на всех лицах, но смех звучал крайне редко. Телевизору посвящалось больше времени, нежели молитве.

Абу хотел детей, но подвела Мариам: врачи обнаружили у нее патологию, которую могла устранить дорогостоящая операция, увы, также не дающая сколь-нибудь определенных гарантий.

После дней, проведенных в госпитале, Мариам, и без того немногословная, окончательно замкнулась в себе. Абу пытался ее утешить, обещав сделать все возможное, чтобы она родила ребенка, но разрушить ту безысходность, что царила в ее душе, не сумел, несмотря на все свои усилия. С другой стороны, он понимал, что горе бесплодия лишь усугубило беспросветность ее тяжких мыслей о тех, кто остался на родине, и теперь расплачивался за их бегство изощренным преследованием властей. Да и само событие измены и перехода в стан врага уже слабо оправдывались прежними умозаключениями.

Он попросил куратора из ЦРУ выяснить о судьбах как своих родственников, так и близких жены, но с ответом тот медлил, ссылаясь на трудности в извлечении достоверной информации. Единственное, о чем поведал с сочувствием к Абу, так это о гибели дяди в пыточных застенках.

Поневоле Абу приходилось лгать жене, ссылаясь на источники в ЦРУ и говоря, что все ее родственники живы, хотя подверглись допросам и унижениям. Он обещал ей скорые вести от них, но, как бы горячо и убедительно ни звучали его слова, понимал, что верит она в них мало и что вина за судьбы оставленных ею родных постоянно точит ее душу.

Однажды вечером, когда он ужинал на кухне, а Мариам стояла у плиты, опустошенное взаимное молчание нарушила горькая реплика жены:

– Нас наказывает Аллах...

И все. Больше она не сказала ничего. А он ничего не ответил, потому что знал: это правда.

Отныне их соединяла общая беда предательства, и она же отчуждала их друг от друга. Мысли были черны, а радости недоступны.

Солнечное пространство благолепной и плодородной Флориды сгушалось и сужалось в его сознании в угрюмую серую тесноту тюремной постылой камеры, безрадостной и окончательной, как могильная плита.

И когда отчаянию Абу, казалось, уже не было предела, ему позвонили из Лэнгли, предложив срочно вылететь в Вашингтон.

Он даже не удосужился спросить о компенсации за пропущенные рабочие дни; звонок вселил в него надежду на какие-то смутные, но благотворные перемены, и он тотчас отправился в аэропорт, где, получив в кассе зарезервированный казенный билет, первым встал в очередь на посадку в самолет.

Провожавший его Эдвин, неторопливо почесывая свою белоснежную короткую бородку, обрамляющую широкое довольное лицо, посоветовал поскорее возвращаться: мол, что может быть краше нашего спокойного райского городка в тропической зелени и фруктовых деревьях? Его жизнь состояла из неторопливой возни в моторах, приносящей стабильный доход, рыба-

лок на озере, прогулок на океанской яхте, субботних выпивок в дискотеке и поездок на бесчисленные распродажи.

Кивая согласно словам американца, Абу был устремлен в прошлое...

О, эти душевные, пряные вечера в предместьях Багдада, пласты сладкого дыма из золоченых кальянов, кривой клинок над покорным горлом козленка в золотистых шерстяных кудряшках; багряная кожа гранатов в серебряных блюдах; светлые просторные одежды, чистая смуглая кожа и темно-карие живые глаза соплеменников; трепетный огонь очага и запах пустыни – зовущий и властный; жар мангала и плачущая листва оливы; замшевый фиолет неба и тонкий дрожащий полумесяц; неровные темные камни древних четок в сухих и чутких пальцах, гибкие женские силуэты в лукавом танце; гортанность степенных возгласов; мудрый разговор правоверных, исполненный достоинства и традиций; и – колыбель вековой семьи – надежной и любящей, исполненной торжеством сообщества крови, земли и веры...

– На следующей неделе хочу покрыть натуральной черепицей крышу, – говорил Эдвин. – Мой дом будет самым красивым в городе. Вернешься – убедишься. Нам вообще повезло, что мы поселились здесь. Покой, природа, если бы еще не летний зной... Кстати, в гараже у меня валяется исправный кондиционер, могу тебе подарить, поставишь у себя в ванной...

Американец и в самом деле полагал, что лучшего места для проживания не сыскать на всей планете, и единственное чувство, должное испытываться его обитателями – отдохновенная, всецелая благодать...

При этом, что с удивлением уяснил Абу, он был предельно искренен и просто лучился умиротворением и убежденностью своего бесповоротно состоявшегося эго.

Бог даровал этому человеку непомерное счастье в его пребывании в земной юдоли. И Абу оставалось лишь отстраненно позавидовать этому безмятежному существу.

ЖУКОВ

На работу Жуков ехал в состоянии оцепенелой подавленности. Случилось то, что в принципе он ожидал в своих наихудших опасениях, но во что категорически не хотелось верить. Вчера, вернувшись домой с рыбалки, где провел выходные, он обнаружил на столе в гостиной записку, накарябанную Лорой. Смысл записки сводился к тому, что у Лоры случились неприятности с бизнесом, и она вынуждена срочно уехать в Чикаго, дабы разобраться там со своими недобросовестными компаньонами.

В реальности это означало следующее: двадцать пять тысяч, выклянченных ею у Жукова на бизнес, безвозвратно пропали, и Лора, в справедливой боязни оказаться инвалидом, решила от греха подальше смыться. Изучив содержимое гардероба, Жуков обнаружил в нем отсутствие всех ее сколь-нибудь стоящих вещей. Исчезла даже повседневная косметика, но, когда взгляд обманутого и покинутого мужчины остановился на вазочке, куда обычно помещалась денежная мелочь, и не узрел в ней даже почерневших медных центов, в кровь Жукова резко хлынул адреналин, и он поспешил в ванную; подцепил отверткой одну из плиток, хитроумно державшуюся на магнитах и... с ужасом обнаружил, что его замечательный тайник, где обретались последние шесть тысяч долларов, совершенно и принципиально пуст...

Ведьма подсмотрела, когда он лазал в него! Наверняка!

Перед отъездом на рыбалку он заметил странный взор Лоры, остановившийся на баллоне от акваланга, где до сей поры хранилась основная часть денег и, истолковав нехорошую пристальность такого взгляда как разоблачение хитроумной заначки, поспешил переместить средства в ванную, на чем и погорел.

Кроме того, перед отъездом он вновь пригрозил супруге пучиной океана, причем самым серьезным тоном, и это дало свои ядовитые плоды, кои сейчас он вкушал.

А попадись эта бестия ему в руки, все равно бы вывернулась: дескать, ехать в Чикаго предстояло срочно, денег на поездку не было, пришлось, дабы не пропали инвестиции, позаимствовать из заначки. На очередной беспомощный вопрос о возврате денег прозвучал бы известный ответ.

Жуков присел на диванчик и пригорюнился. Хотелось выпить, но тогда завтрашний день наверняка пойдет насмарку, а с ремонтом в логове магната он и так затянул – выгонят на кислород и останешься вовсе без средств. Хотя, с другой стороны, что решают эти средства, если учесть все Лорины долги за квартиру, телефон, штрафы за парковку и неоплаченное обязательное страхование машины? А еще трехмесячный долг за стоянку у дома – триста баксов... А деньги, одолженные ей у знакомых? А оформленный на него, Жукова, кредит на шубу – ой, бя... Кроме того – счета за кабельное телевидение и аренду подвала, где хранились какие-то гинекологические прокладки, купленные Лорой с целью перепродажи, но так и не нашедшие конечного пункта назначения...

Помимо всего свинью подложил и мистер Уитни. Его холуй Ричард внезапно сообщил, что за работу хозяин платит банковским чеком, а не наличными и, видимо, Юра неправильно понял первоначальную договоренность из-за слабого знания английского. Горячие протесты Жукова, подкрепленные маханиями руками, были им категорически отвергнуты.

Не желая вручать чек Лоре – иначе, пиши пропало! – Юра кинулся по знакомым, но все бубнили что-то о вычете налогов и отсрочке платежа во времени, покуда не будет установлена действительность финансового документа. За минусом изрядного процента чек согласился принять на свой счет морпех Виктор.

Позвонил Марк, предложил совершить вечерний променад на Стейтен-Айленд, пошалакать на предмет шмоток, но от предложения поделника Жуков отказался, сославшись на

плохое самочувствие. Какой еще Стейтен-Айленд! Там нужны кураж и собранность, а не глухой, как гнилое полено, ступор.

– Ты случайно говна не наелся? – спросил Марк.

– Не понял... – механически отозвался Жуков.

– Голос очень задумчивый.

– Лорка меня кинула, – не удержавшись, сообщил Юра приятелю. – Свинтила со всеми бабками. Заначку раздербанила...

– Ничего, переживем, – на мажорной ноте уверил Марк.

– Ну, давай, пока, – с минором завершил разговор Жуков, понимая, что переживать придется не Марку, а исключительно ему.

Утром, катя в вагоне через приземистый, заштрихованный серым дождичком Бруклин, к небоскрегам Манхэттена, Жуков размышлял о перспективах. Одолжить денег не у кого. Из квартиры его вышибут точно.

Его вновь посетила неотвязная в последнее время мысль: а если бросить все и улететь на Родину? Чего хорошего здесь, в Америке? Хотя – что значит, «чего хорошего»? Привык он и к чистому воздуху, и к качественной жизни, и к масштабности этой страны...

Пройдя у ворот особняка процедуру идентификации личности, Юра, невольно робея от торжественной чопорности интерьера, минул зал с раззолоченным потолком и античными статуями и поднялся по мраморной лестнице к месту своих непосредственных усердий.

Помещение большого кабинета встретило его гулкой пустотой и унылой запыленностью дубового паркетного настила, посреди которого возвышался циклевочный агрегат.

Пройдя в ванную комнату, Жуков понуро опустил на низкий пластиковый стульчик, вспомнив о недельном отсутствии хозяина сейфа, где таилась финансовая благодать, а ведь до сейфа – шаг...

Далее его действия отличала неторопливость и абсолютная бесстрастность. Был включен циклевочный агрегат, помещение заполнил рев мощного мотора, взвесь паркетной пыльцы и шпаклевки; кто-то – вероятно, отвечающий за охрану здания Ричард, сунулся в дверь, но тут же с коротким проклятьем ее захлопнул; а Жуков, переведя аппарат на холостой ход, подошел к зеркалу, нажал на потайные бронзовые кнопки и, отведя раму в сторону, в точности как это проделывал Уитни, демаскировал сейфовую нишу.

Пошарив по верху сейфа ладонью, нащупал секретную кнопку, надавил на нее. Кнопка утопилась и, щелкнув, осталась в зафиксированном положении.

Не теряя времени, Юра подключил к электрическому удлинителю дисковую пилу с новеньким отрезным кругом. Брызнул оранжевой искрящейся струей рассекаемый абразивом металл.

Работа оказалась непростой: прежде, чем распилились запорные штыри, руки Жукова налились от агрессивной вибрации машины чугунной тяжестью, а лицо и грудь залил обильный пот. Однако же одним диском, хотя и истерзанным до основания, без всякого перерыва, он выпилил сейфовую дверцу и в какой-то миг нутром ощутил: все, амба! – дрогнула она и словно провисла беспомощно в петлях, не препятствуя доступу к неведомым сокровищам.

Отключив горячую, как утюг, пилу, он, предварительно отжав кнопку, вернул зеркало на место, поправил респиратор, вылил пот из защитных очков и вновь принялся циклевать паркет.

Когда древесный туман плотно заволок помещение, дверь снова раскрыл кто-то из любопытствующих и снова поспешно ретировался.

Саркастически усмехнувшись, Жуков вернулся к сейфу. Вставив крепкую отвертку в паз замка, без труда растворил дверцу. Вот они – заветные пачки долларов в бумажных банковских перетяжках...

В сейфе лежали какие-то бумаги на непонятном английском и сафьяновая коробка с золоченым замочком – видать, как решил Юра, с драгоценностями.

Изъяв коробки и наличность, Жуков, орудуя отверткой как рычагом, не без труда втиснул дверцу на прежнее место, горестно покачал головой, обозревая уродливый паз распила, и, наконец, замаскировал свое надругательство над чужой буржуазной собственностью запыленным зеркалом в защитной пленке.

После вернулся в туалет, сложил трофеи в спортивную сумку, и, покуривая сигарету, задумался о своих дальнейших действиях.

Теперь все пути к отступлению были конечно же отрезаны. Этой самой дисковой пилой. Напрочь.

Малодушно хотелось сполоснуться на скорую руку, переодеться и, оповестив охрану, что, мол, отойдет на часок перекусить, смыться куда подальше. Однако Жуков решил иначе.

Во-первых, он не мог бросить работу незаконченной, считая это весьма непорядочным по отношению к клиенту. Во-вторых, ему оставалось всего лишь пропылесосить помещение и приступить к процессу лакировки. После чего, как он сметливо сообразил, раскрытие кражи уверенно отодвинется на двое суток, ибо в помещение, куда не устоится лак, не сунется никто.

К вечеру зал представлял собой сияющее великолепие.

Мистер Ричард, брезгливо кривясь от остаточных химических благоволий, тем не менее одобрительно обозрел янтарную гладь, а затем вручил работяге загодя приготовленный чек.

Из вагона подземки, следующего из Манхэттена в Бруклин, Жуков позвонил Марку и Вите, предложив выкупить сегодня же и немедленно телевизор, диван, кое-что из одежды и вообще все, что понравится. Затем, прибыв по месту жительства, достал из сумки заветную коробку.

Наступил торжественный момент, чье предвкушение достигло своего апогея. Орудуя Лориной шпилькой, Юра без труда вскрыл замок.

О, судьба с ее безжалостными ударами! Бриллиантовое зарево ожидаемых коле, перстней, диадем и всякого рода ювелирных излишеств подменял собой тускленький блеск стандартных компьютерных дисков в прозрачных чехольчиках.

Юра привычно сглотнул горькую слюну очередного разочарования.

Затем посмотрел на настенные часы. Вот и вечер настал... Заодно прикинул, что за часы долларов десять Марк отдаст без вопросов... А Марк должен прибыть с минуты на минуту.

Небрежно перебирая диски, Юра увидел, что каждый был помечен непонятной надписью на английском и датой, а на одном красно и жирно выделялось: 11 СЕНТЯБРЯ. Эта дата, знаменовавшая крушение небоскребов торгового центра, заваливших, кстати, любимый магазин Жукова – XXI век, из которого он потаскал массу замечательных вещей, заставила его, преодолев навалившуюся усталость, включить проигрыватель и телевизор.

Диск скрылся в недрах устройства. На экране появились люди. Пятеро. В одном из них он тут же признал мистера Уитни. Люди сидели за огромным столом и что-то неторопливо обсуждали.

Еще два лица показались Жукову знакомыми – точно, где-то он видел этих типажей... Да по телевизору он их видел! Какие-то важные деятели...

Юра прислушался к беседе, но ничего не понял. Американцы говорили между собой на языке, категорически паркетчику недоступном. Им различались лишь отдельные слова.

Скрипнула незапертая входная дверь, и на пороге появился Марк.

Жуков ругнул себя за невнимательность, но теперь уже было поздно.

– О! – сказал Марк, шагнув в гостиную. – Чего смотрим? – Он мельком оглянулся на экран. – Новости с секретного фронта?

– То есть? – удивился Жуков.

– Ну, как... – Марк указал на телевизор. – Бывший директор ЦРУ... – Затем осекся, прислушавшись.

Замер и Юра, постигая, что крупно и непоправимо влип. Так человек, чувствовавший себя до поры до времени здоровым и деятельным, вдруг ощущает в себе признаки начинающейся болезни – уже неотвратимой, с каждой секундой набирающей силу...

– Это чего такое? – подозрительно скосившись на Жукова, спросил Марк.

– Да кто его знает... Нашел вот... – откликнулся тот.

Марк подвинул стул, уселся поближе к телевизору. В отличие от простака-паркетчика он очень хорошо знал английский язык, благо, очутившись в Штатах, его освоение поставил первоочередной задачей.

Оба молчали. Говорили только люди в телевизоре, и с каждым их словом лицо Марка мрачнело все больше и больше.

Внезапно запись оборвалась.

– Что-то я не понял... – Марк подозрительно покосился на Жукова. – Откуда это взялось? – Он вновь кивнул на телевизор, чей экран застилала васильковая астральная синь.

– Да чего там такого-то? – с возмущенной ноткой откликнулся Юра.

– Одиннадцатое сентября помнишь? – утвердительно произнес Марк. – По всему выходит, эти деятели если не устроили известное всем шоу, то были в курсе, что оно состоится. Вот так. Конечно, если запись – не хохма какая-нибудь... Так откуда кино?..

– Ну... особняк этот чудной знаешь, да? В котором паркет я кладу? – К Жукову вернулось хладнокровие. – Я же тебе рассказывал... Про этого Уитни, про «роллс-ройс» его... Короче, он – птица высокого полета. Во-от. Ну, в общем, там, в особняке этом...

– В общем, там ты кое-что тпнул, – вдумчиво предположил Марк. – И теперь линяешь... И правильно делаешь, мутила. Только если эти ребята узнают, что у тебя есть такое кино, я за твою шкуру дам... Вернее, не дам ни цента. А Уитни твой не птица, а бомбардировщик. И готовься принять от него на свою голову весь боезапас. И меня, ты, кстати, впутал...

– Да ладно тебе, – отмахнулся Жуков. – Ну, прилип диск и прилип...

– Значит, так, – сказал Марк. – Я ничего не видел и не слышал. Давай показывай барахло, я «вэн» подогнал, грузимся, и я тебя больше не знаю, усек?

– Да чего ты тут драму с трагедией... – начал Жуков, но Марк категорическим жестом рубанул перед собой воздух, сказав:

– Слышь, ты, высокомолекулярное соединение... Ты себе закажи плиту надгробную с эпитафией: «Он был оптимистом». Если нас теперь и пронесет, то только чудом. Ты попал, и сам это знаешь. Другое дело – может, не понимаешь до конца... Но конец будет. И принцип: а Хилари нам Клинтон! – тут не пройдет. Хочешь совет? Хотя советчик я не лучший, ибо мое чувство юмора сильнее чувства жалости.

– Ну...

– Ни о чем не спрашиваю, потому что ни о чем знать не хочу, но лично я теперь заинтересован в одном: чтобы ты грамотно «сделал ноги». В Штатах тебя вычислят в три приема. А может, и в один... Линяй в Рашку. И затеряйся в ее глубинах.

– Ну а с дисками чего делать? – растерянно спросил Жуков.

– Ха... Так он не один? Ты их побереги, – рассудительно промолвил Марк. – Они тебе еще очень даже пригодятся. В обмен на легкую смерть.

МАРК

Ни Жуков, ни Виктор, да и вообще никто в среде эмиграции, где вращался Марк, даже представить себе не мог, кем воистину является этот прожженный мошенник, живущий исключительно криминальным промыслом. Не было представления о прошлом Марка и у властей США, ибо легализовался он в стране через законный брак, выехав в Америку по гостевой визе в конце восьмидесятых годов.

В России Марк трудился опером в убойном отделе Ростовского УВД. Сыщиком был толковым, рискованным и хватким. Однако поощрениями и почестями начальство его не отмечало:

Марк был неуправляем, дерзок, критичен по отношению к руководству, открыто презирал прокуратуру и – совершенно аполитичен. И если бы не блестящие результаты в оперативной работе, бесстрашие и способность сутками пахать без роздыха, долго бы он в милиции не задержался. Кроме того, пару раз Марку довелось выступить в качестве исполнителя высшей меры наказания, и начальник УВД, посвященный в этот секретный факт его трудовой деятельности, поневоле относился к палачу с некоторым снисхождением: ведь что ни говори, а взять на себя смертный грех по служебной необходимости – заслуга немалая.

Тем не менее неоднократно и успешно внедряясь в среду криминала, Марк очень быстро пришел к истине, что жизнь честного милиционера в этой стране невозможна по определению, как невозможно бороться с преступностью, опираясь исключительно на силу закона. Подбросы оружия и наркотиков, тайные обыски, несанкционированное прослушивание телефонов – все эти недобросовестные с точки зрения классической юстиции приемы, он применял, не мучаясь никакими сомнениями. Равно как не гнушался и мародеством, и взятками, и крышеванием входивших в круг его агентуры спекулянтов и перекупщиков краденого. Легальной коммерции в ту пору в государстве развитого социализма не существовало.

Моральные принципы в своей работе для Марка конечно же существовали: он никогда бы не выпустил на свободу убийцу, он без раздумий вступал в поединки с опасными бандитами, но снять с трупа того или иного уголовника дорогие часы или же выпотрошить его бумажник казалось ему столь же естественным, как расписаться в ведомости за грошовую премию в милицейской бухгалтерии.

В итоге именно на часах он и погорел. И заложил его сослуживец, недовольный разделом трофеев. Инспекция по личному составу к тому времени уже располагала массой фактов по злоупотреблениям ушлого оперуполномоченного, дело пахло посадкой, но в итоге обошлось увольнением из органов. А буквально через месяц, покинув комнату в коммуналке, с двумя крупнокалиберными бриллиантами в желудке, выкупленными у барыги-агента на все сбережения, Марк вылетел в город Нью-Йорк, – с липовым приглашением в кармане, тремя сотнями законных «зеленых» и – с неясной перспективой дальнейшего существования на чужбине.

Помыкавшись в пятидолларовых ночлежках с матрацами на земляном полу, он вскоре удачно бриллианты продал, переехал в приличную квартиру, нашел себе увядшую невесту, чей возраст приближался к полувековой отметке и – понеслась американская жизнь!

Легенду «блатного» с двумя судимостями Марк придумал для себя неслучайно. Оказавшись на Брайтон-бич, в среде таких же авантюристов и проходимцев, он моментально уяснил, что представляться расстригой-ментом здесь глупо и неприлично: даже та благостная провинциальная публика, приехавшая сюда по официальным каналам еврейской эмиграции, была в своем отношении к криминалу куда более лояльна, нежели к правоохранительным органам и их представителям.

Таким образом, ему предстояло выбрать для себя роль, вжиться в которую не представляло особенных затруднений. И Марк выбрал обратную сторону медали, врученной ему судьбой. Из бывшего опера он органично трансформировался в актуального уголовника. И данный образ ни в ком не вызвал ни единого сомнения. Правда, у Марка отсутствовали наколки, но если и возникал подобного рода вопрос, то, презрительно усмехаясь, он пояснял, что профессионалам особые приметы нужны как бездомному фрак.

Опер в уголовной среде – словно попадая в доме терпимости. Однако как ни коробило Марка поначалу от новой своей ипостаси, выбора для него не оставалось: вливаться в ряды американских тружеников он не хотел, да и не мог; сыщик по профессии и самому своему естеству, он был абсолютно невостребован на новой почве. Кроме того, Марку был необходим адреналин. Адреналин и азарт. И дать ему их мог лишь криминальный бизнес, в котором он – профессионал, все рассчитывал и прогнозировал так, что вызывал у местного жулья безоговорочное почтение.

Понимая, что среда его обитания густо нафарширована полицейскими осведомителями и завистниками, он приближал к себе немногих, но, с другой стороны, поднять хоть какое-нибудь стоящее дело без помощников было затруднительно, а потому приходилось идти на заведомый риск.

Аферы с поддельными кредитными картами, квартирные кражи, фальшивые доллары, мошенничества с дорожными авариями и медицинскими страховками – всего, чем занимался он, было не перечислить, однако, – сколько веревочке ни виться...

И вот в составе организованной им преступной группы Марк предстал перед американским правосудием. И – выпутался, искусно изобразив невменяемого. Не зря в течение двух лет он готовился к неминуемому провалу, изучая психиатрию, посещая университетские лекции и заведя знакомства среди опытных врачей.

Из-под стражи он был освобожден, получил инвалидность по психическому заболеванию, соответствующую пенсию, льготы и – затаился, полагая, что в череде афер и походов надо выдержать некоторый интервал.

Один день сменял другой, жизнь была гулко пуста, как шляпная картонка на пыльной полке старого гардероба. Марк прогуливался к океану, блуждал под эстакадой Брайтон-бич, закупая себе провизию и раскланиваясь со знакомыми. Изредка выезжал на распродажи в Манхэттен и в тюрьму, навещая томящихся за решеткой подельников.

Через пару месяцев, на пандусе плавучего казино, поуживая мелких акул и камбалу, он познакомился с двумя иными рыбаками, – бывшими советскими десантниками Жуковым и Виктором.

Жуков рассматривал даль океана через мощный бинокль, наслаждаясь видом могучей водной шири.

– Не видать ли Красной армии? – со смешком спросил его Марк.

Остроту отставные военнослужащие оценили положительным образом. Завязался непринужденный разговор, а уже к вечеру новая банда была готова.

В течение недели Марк стажировал неофитов в тонкостях магазинных хищений, затем пошла практика, а уж после – профессиональные выездные сессии в соседние штаты по намеченным масштабным целям.

Нужно ли это было Марку? Скорее всего, нет. В банковском хранилище у него лежал неполный миллион наличных, легализовать который в силу своего статуса он не мог; первый этаж дома, сдаваемый им в аренду, закрывал текущие финансовые проблемы, однако – где азарт, игра, где жизнь? И вообще – чем заняться? Ну, хоть этим, коли не дано другого... Примерно также мыслили и его новые партнеры, не бросавшие своего основного стабильного занятия в сфере строительно-ремонтных услуг и рассматривавшие криминальные вояжи по магазинам как увлекательное хобби.

Выйдя из дома Жукова, он прошел на набережную, сел на лавочку, глядя на мерные океанские волны за песчаной полосой пляжа, и призадумался.

Итак. Вопиющее в своей наглости и прямолинейности ограбление, естественно, безнаказанным не останется. Тем более похищена опаснейшая информация. Кому и для чего она предназначалась, – безответный вопрос. Известно следующее: существует некий мистер Уитни – владелец сейфа и одновременно лицо, присутствовавшее на собрании. Значит, инициатор записи он. Или один из инициаторов. Для чего ему запись? Для истории? Или для шантажа соратников?

Так или иначе, сегодняшняя проблема – Жуков. Через два дня его, как сбежавшую из зоопарка гориллу, активно начнут искать целеустремленные и безжалостные ребята. Что бы ты делал на их месте, а, старый опер? Минимум через сутки поисков понял, что объект отбыл в Москву. Тогда первым делом нашел бы Лору, взял ее за тухлые жабры и вытряхнул из нее все его местные и московские связи. Далее. Распечатка телефонных звонков. Особое внима-

ние – звонкам накануне отъезда. Тут-то выплываешь ты, Марк. Здравствуйте, мы из полиции, расследуем совершенное вашим знакомым преступление, и – пошло-поехало... А вероятен и иной сценарий: удар по башке, размещение в багажнике автомобиля, затем укол в вену, допрос под наркоз и – прощальный круиз на яхте в сторону восходящего солнца. А если доберутся до Жукова, то одним из первых в списке вопросов к нему будет такой: «Кто помимо вас смотрел наше секретное кино?» И на вопрос наверняка будет дан правдивый и незамедлительный ответ.

Хлопнуть этого Жукова, что ли? И чего? Крупно этим подставиться. Возле дома камеры, выманить его куда-либо – пустой номер, парень он не промах, чуткий как зверь, а движется эта машина в сто двадцать кило легко и маневренно, как матерая акула. Да и вообще еще один грех на душу... Вот этих бы, кто на совещании, кто каждый день тысячами уничтожает людей во всех концах света своими деньгами и политикой, этих бы он грохнул, не задумываясь. Эти куда страшнее, чем казненные им в прорезиненной камере серийные убийцы... А может, отправить дискеты почтой адресату? Мол, чужого не надо? Глупость. В данной истории должна стоять твердая точка. И ее поставят. Значит, завтра Жукова надо проводить, снабдив соответствующими инструкциями. И не бежать куда-либо, а затаиться здесь, в Нью-Йорке, вблизи от надвигающейся грозы, наблюдая за действиями противника. Как наблюдать – он, Марк, знает. Научен.

Океан неуклонно темнел, свежел бриз, в домах, окружавших набережную, зажигались огни, прогремел на эстакаде за спиной поезд подземки. Марк встал со скамьи, удрученно подумав, что спокойствия в этой жизни ему не видать, хотя, с другой стороны, жить в спокойствии для него невыносимо. Но если обычно ему приходилось выбирать из двух зол, то тут их вон сколько...

МАКСИМ ТРОФИМОВ

К границе с Грузией мы продвигались двое суток. Первый десяток километров я ковылял, поскуливая под нос, как побитая собака, но затем, что называется, расходился, боль притупилась, и все неприятные ощущения приходились на очередной вечерний привал, когда рыжебородый садист всаживал мне чугунной рукой укол антибиотика и ловко перевязывал раны. Эти его манипуляции не отличал и микроскопический налет сопереживания; обычно с такой же бестрепетной сноровкой ветеринар прививает корову в стаде.

То и дело я оценивал обстановку и собственные силенки, примеряясь к отчаянному шагу – ликвидации боевиков и побегу, но каждый раз убеждался, что мои надежды на свободу тщетны: мне противостояла численность противника, его природная жилистая сила, выстраданные практикой навыки и – звериная, ежесекундная настороженность. К тому же, будто почуяв исходящие от меня волны опасности, головорезы даже на привалах кучковались определенным образом, не оставляя никаких возможностей для перспективной атаки, а в глазах их начала проявляться столь недвусмысленная подозрительность, что я поневоле урезонил свои агрессивные мыслишки, чутко воспринимаемые моим опасным окружением.

В чистом воздухе гор, не замутненным всякого рода вибрациями, отчетливо сквозила наша взаимная неприязнь, и, кто знает, чем бы кончилось дело, продлись наш поход еще пару дней, однако, успешно пройдя тайными тропами мимо постов и засад, к ночи мы спустились в обитаемое ущелье.

Около получаса провели в темени какого-то сада, скрывавшего беленый домик с узкими оконцами, за которыми тускло и красно мерцал свет. К домику пошел рыжебородый, оставив меня под присмотром своих псов. Вернулся быстро, в великолепном расположении духа. Коротко приказал:

– За мной!

Пройдя неосвещенную прихожую, вонявшую то ли псиной, то ли овечьими шкурами, мы оказались в просторной, освещенной керосиновой лампой комнате, чью обстановку составлял скособоченный дощатый стол, застеленный куском полиэтилена, кривые стулья и громоздкий темно-вишневый комод с бронзовыми ручками, тронутыми бирюзовой окисью.

Какие-то небритые парни в обвислых кожанках выставляли на стол жратву, при виде которой у меня потекли слюни. Дымящиеся чебуреки, отварная баранина, лаваш, огромное блюдо с сочными помидорами и всевозможной зеленью.

– Давай ешь, – подтолкнул меня к столу рыжебородый. – Времени у тебя мало...

– Почему? – спросил я со всей возможной невозмутимостью.

– Поедешь сейчас, куда надо... – расплывчато пояснил он.

Оптимизма такой ответ во мне не поселил, но, здорово натренировавшись не вдаваться в пустые расспросы, я равнодушно передернул плечами и приступил к еде.

Горячее мясо обдирало саднящую глотку, но я не придавал этому значения, разрывая зубами плотные дымящиеся куски.

Затем хлопнула дверь, и в комнате появился человек лет сорока, в черных джинсах, модных кроссовках, тонком шерстяном свитере и легкой замшевой куртке.

Он был идеально выбрит, столь же идеально причесан, в карих глазах его сквозил порочный живой ум, а плотно сдвинутые тонкие губы были безразлично поджаты.

Он небрежно кивнул обернувшейся на него компании едоков, затем столь же небрежно пожал руку почтительно привставшему со стула рыжебородому и, остро покосившись на меня, спросил:

– Как дошли?

– Без происшествий, – ответил рыжебородый и, указав на меня рукой, вдумчиво добавил: – Вот. Доставлен, как положено.

– А где другой? – спросил гость, имея в виду, наверное, убитого негра.

– Был ранен, умер в пути, – скорбно поведал рыжебородый.

– Очень плохо! – нахмурился незнакомец.

– Слушай, мы же не госпиталь, да? – с мягкой укоризной произнес убийца негра, запиная в рот лаваш. – Я сутки его на спине нес, как верблюд стал совсем...

Компания мрачно закивала, подтверждая слова негодяя. Кивнул и я, отметив во взорах бандитов, обращенных ко мне, подобие благодарности за проявленную солидарность.

– Жаль, – проронил аккуратный незнакомец. После, рассеянно поглядев на меня, сказал: – Мы вас заждались. Отдохнете на базе, сейчас собирайтесь, выезжаем.

Я доел баранину, запив ее мутноватым домашним вином. Рыжебородый, дружески хлопнув меня по плечу, произнес задушевно:

– Пора прощаться, шпион.

– Возможно, до встречи, – выдал я из себя.

– Что про негра говорить, ты понял? – с тенью угрозы спросил он.

– Давно понял, – невозмутимо ответил я.

– А вот я не понял, – недобро прищурившись, молвил рыжебородый. – Тебя не понял...

И если бы не приказ...

– Что не нравится? – равнодушно спросил я.

– Ничего не нравится. Какой-то ты... мутный.

– На русак ты похож, – прямолинейно брякнул убийца негра и, ощерясь, как шакал, принялся глотать баранью кость, сдирая с нее ошметки мяса.

– Так это и хорошо! – назидательно сказал я, вставая из-за стола.

Рыжебородый раздумчиво почесал темя. Затем хмыкнул. Сказал с некоторым удивлением:

– А ведь ты прав... Наверное, так и надо, извини, друг.

Не пожав никому руки, я вышел из дома. На темном дворе смутно толклись какие-то личности; выступивший из тьмы молодой парень провел меня за калитку, открыл дверь стоявшего возле дома джипа.

Я устроился на комфортабельном заднем сиденье и уже принялся размышлять, каким образом, выбравшись из логова бандитов, свинтить в бега, но мысли мои были прерваны вторжением в салон троих громил, от которых пыточно разило потом и чесночным перегаром. Двое из них уселись рядом со мной, третий – впереди, а вскоре за руль уселся четвертый – тот самый таинственный гладко выбритый тип.

Заверещал стартер, рыкнул движок, свет фар выхватил из тьмы ухабистую сухую дорогу, разномастные заборы вдоль нее, юркнувшую в лопухи кошку... И я снова двинулся в неизвестность.

По горам и долам ехали неспешно, в боковых оконцах мерцало отмытыми звездами горное небо, чернели вдалеке горбы пологих холмов, затем кремнистый проселок сменил растрескавшийся асфальт, и водитель прибавил газку.

Уже начинало светать, когда машина, свернув с трассы, остановилась у микроавтобуса с глухим, без окон, кузовом, выкрашенным в пятнистые защитные цвета. Из автобуса навстречу нам вышли двое подтянутых парней в камуфляже, и на секунду я обомлел, увидев нашивки и знаки различия армии США.

– Приехали, – смерив меня доброжелательным взглядом, сказал водитель. На скулах его, как я заметил, после прошедшей ночи начала пробиваться упрямая и плотная щетина.

Я вылез из джипа, двинувшись, как сомнамбула, к встречающим меня военным. Механически пожал протянутые мне руки.

– Едем на базу, там отдохнете, – сказал один из американцев.

Далее потекли события весьма благоприятного свойства: меня привезли на военную базу, я успел различить пятнистые транспортные самолеты, приземистые казарменные здания; после был горячий душ, бритье, и – отглаженный камуфляж без опознавательных знаков. Затем меня отвели в санчасть, где пожилой врач долго манипулировал над моими ранами, комментируя их состояние, впрочем, довольно оптимистически. Говорил врач на столь сложном для меня английском и с таким местечковым американским акцентом, что понимал я его едва ли на треть. Кивая и улыбаясь доктору – якобы в полном согласии с его словами, одновременно я с ужасом сознавал, что при первом же плотном общении с носителями языка буду расколот, как гнилой орех, и дальнейшая моя участь ничем от участи расколотого гнилого ореха не отличается.

Однако с доктором – обошлось, и вскоре я оказался в светлой комнате с солдатской узкой кроватью и – провалился в долгий и освежающий сон.

Разбудили меня к ужину: в комнату вошел пожилой офицер с грузной фигурой и, радостно улыбаясь, протянул мне руку, представившись:

– Майк.

Бесцеремонно присев на кровати, Майк проговорил:

– Относительно вас пришли указания... Возвращаться в Германию вам нельзя. Как понимаю – нежелательно. Почему – вы, думаю, знаете.

Я многозначительно кашлянул и состроил умную физиономию.

– Завтра утром летите в Америку, – продолжил Майк. – Ваш паспорт прошу отдать мне.

Я послушно вручил ему документ покойного британца.

Изучив паспорт и, соответственно, фотографию, что вызвало у меня некоторые неприятные эмоции, Майк произнес загадочное:

– Вы же немец, насколько понимаю...

Я неопределенно улыбнулся. В голове же лихорадочно пронеслось: неужели спасен? Неужели мой русский акцент проскочит за акцент немца? Ведь, как ни удивительно, а они практически аналогичны...

– Ну, впрочем, неважно, да и не мое это дело, – сказал он. – Короче, уже завтра будете в Штатах. Дальше – как распорядится руководство. Теперь – о вашем здоровье. Врач сказал, что швы вам снимут в Америке. Вот и все. Отдыхайте. Утром вас разбудят.

Завтра в Штатах?! Вот так фортель судьбы! Без документов и без единого доллара, зато – будто по волшебству! Но роль кого я отныне играю?

Итак. Существует некий иностранный инструктор, направленный на какой-то период времени в Чечню. Кем направленный? С какой целью? Если сейчас его перекидывают на военном самолете в Америку, то он представляет собой некую ценность. Он немец, значит, его британский паспорт – ширма, дабы в случае чего ввести в заблуждение, полагаю, российскую контрразведку. Но почему он не может вернуться в Германию? Накуролесил там? Скорее всего. Дальше. Вероятность моего провала в Америке абсолютно очевидна. Но что я могу сделать, когда из одних тисков плавно перемещаюсь в другие? Бежать с базы? Куда? В чистое поле, где меня будут ловить грузинские милиционеры, дабы передать в иные компетентные органы, патронируемые теми же спецслужбами США? Тогда побег – еще большая авантюра, нежели перелет через Атлантику, хотя... чего тут угадаешь?

В дверь постучали.

– Входите, – буркнул я по-английски.

В комнате вновь появился Майк. На этот раз – с увесистой трубкой спутникового телефона.

– Тебя, – сказал он.

– Да? – кратко спросил я, прижав трубу к уху.

– Рад слышать тебя, Роланд, – раздался мягкий, даже вкрадчивый голос. – Мне сказали, ты выбрался из колоссальной заварухи!

– О да! – согласился я.

– Слушай меня внимательно, – уже суховато продолжил собеседник. – Те парни, что были у тебя в Германии, установлены, как участники известных тебе событий. К тебе могут возникнуть вопросы. Вернее, они уже возникли. Поэтому тебе надо сменить место проживания. Ты понял?

– Да...

– Сейчас я далеко, но, думаю, через месяц увидимся в Штатах, я навещу тебя. Жить будешь у своего двоюродного дяди. Я имею в виду мистера Уитни. Надеюсь, твой покойный отец рассказывал тебе о твоих родственниках в Америке? Он очень богатый и очень серьезный человек. Уверен, вы найдете общий язык. И еще. – Собеседник помедлил. – Я же предупреждал тебя: держись подальше от этих смуглых ребят, а то их загар прилипнет к тебе... Мне было очень трудно тебя отстоять... Очень!

– Я понимаю...

– Ну, все. До встречи в Штатах!

Я передал Майку трубку, тот нажал пискнувшую кнопку отбоя и – вновь исчез за дверью.

Затаив дыхание, я сознавал, что перескочил еще один смертельный капкан. Так о каких парнях говорил мой неизвестный покровитель? И от кого меня отстоял?

Как следовало из подтекста, смуглые парни могли быть исполнителями какой-то громкой террористической акции. Знать бы, какой?.. А этот Роланд, чувствуется, из категории тех, кто слишком много знал. И теперь я, как подкидной дурак, оказался на его освободившемся в подлунном мире месте... И, подозреваю, место это окажется для меня весьма горяченьким! В общем, я думал, что у меня черная полоса, а она была белой.

Спал я, однако, глубоко и кошмарами не мучился. А утром, после сытного завтрака, в сопровождении любезного Майка, навестил доктора, после чего доехал на открытом джипе до транспортного угрюмого самолета непривлекательной серо-бурой расцветки, уселся вместе с толпой иностранных военнослужащих в просторном салоне и мысленно троекратно перекрестился.

Гигантская туша авиаперевозчика взмыла ввысь легко и стремительно, как подхваченная ветром чайка. Мелькнули в оконце вершины кавказских гор. При всей опасной неопределенности своего будущего, тоски от расставания с ними я не испытывал.

Теперь мой путь лежал из протектората в империю.

ГЕНРИ УИТНИ

Я решил провести в Нью-Йорке два-три дня. После нашей вашингтонской деревни я люблю окунуться в круговорот этого великого города. Я обожаю его. В нем всегда кипит жизнь, он вечно молод амбициями и надеждами своих новобранцев, его нервы на пределе, он – сосредоточение всего мира, его столица, котел, переплавляющий расы и племена со всеми их устремлениями и традициями. Правда, котел неуклонно остывает, но после переплавки еще продолжает работать штамп, и в дальнейшую жизнь после отбраковки выбрасываются остывшие человечки-изделия, начиненные нашими американскими ценностями, а вернее, – стереотипами жизненного уклада и всякого рода табу.

В Нью-Йорке я снимаю пентхаус в шикарном отеле возле Мэдисон-сквер-гарден. Двухрусный, с высокими потолками и стеклянной витой лестницей, ведущей в спальню, он напоминает мне фойе кинотеатра. Мне в нем неуютно, но посетители немеют от восторга: из его окон виден Манхэттен во всей красе. По-моему, я держу его ради стороннего восхищения. Он закреплен за мной постоянно и оплачивается с корпоративного счета, – деньгам так или иначе уйти на налоги, а так с них небольшая, но польза. Ресторанные траты я неизменно отношу туда же, и мы с женой хохочем, когда, доставая карту, я объявляю, что питаемся мы за счет бедных афроамериканцев, воинствующих тунеядцев, презирающих всякий труд и живущих на пособия с наших налогов. Ужин, неразделенный с бездельниками из черных семей, наполняет нас мстительным торжеством. Досадно, что приходится тратить на пособия, однако они – тоже налог на предотвращение революций.

Сегодня я продекларирую эту дежурную шутку в обществе своей подруги Алисы, получив на это ту же, несомненно, положительную реакцию.

Нет, мы не расисты, но нас возмущает расовый рэкет, чьи аппетиты растут. Черные из Христианской коалиции, обеспечивающие инаугурацию, обидевшись, что их не пригласили на рождественский ужин за столы вместе с высокими гостями, обратились в суд с иском на шестьсот двадцать один миллион долларов за возмещение морального ущерба. А под эгидой ООН умудрились провести конференцию, чья цель – принудить США принести извинения за «трансатлантическую работоторговлю» и выплатить десятки миллиардов долларов потомкам пострадавших. Наши стыдливые республиканцы, преисполненные христианского смирения и стыдливости за грехи исторического прошлого, лишь потупили глаза.

У меня работают цветные парни, и многие из них весьма толковы, честны и добры, однако, как мне представляется, однобоки и туповаты. Я еще не встречал ни одного черного интеллектуала. Вообще считаю, что люди ничем не отличаются от животных тех или иных пород. Задание, которое можно поручить караульной овчарке, никогда не поручишь сенбернару. Дай какой-нибудь Эфиопии или Гане современный завод со всеми технологиями и материалами и поставь задачу собрать самолет или же автомобиль, при всем усердии будут созданы недееспособные уродцы. Швейцарские часы могли быть придуманы и собраны только в Швейцарии, «мерседес» – в Германии, «Калашников» – в России. Кто, интересно, изобрел деньги? Впрочем, это было несложным изобретением, и всяк народ его быстро освоил. А вот делать деньги из денег – наверняка заслуга евреев.

Когда на горизонте замаячили зубья небоскребов Манхэттена, я набрал номер Алисы.

– Я уже в номере, – донесся ее голос сквозь настырный шум винтов.

Вот же приткая девка! Успеть за неполный час от Лонг-Айленда до Манхэттена!

Я познакомился с ней лет восемь назад. Смешно сказать, – она работала продавщицей в «Мэйсис» на пятой авеню, приехав в Нью-Йорк из какого-то селения на Аляске. Все ее предки – охотники и рыбаки. Я, помнится, покупал себе пальто, и мне приглянулась ладная блондиночка со свеженьким личиком, хлопотавшая вокруг меня. От нее буквально веяло непо-

рочностью тех суровых краев, в которых она родилась; она была воплощением хрупкого девичьего целомудрия, и, казалось, существовала вне этого города, – агрессивного, циничного, пронизанного лживостью и пороком. А я, – малый-симпатяга, увы, был лжив и порочен куда больше, чем весь этот город. И конечно же совратил ее.

Помню ее ошеломленный восторг перед подаренным ей букетом из тропических цветов, ужином в престижном клубе, «роллс-ройсом», перелетом из Нью-Йорка в Атлантик-сити на собственном вертолете, номером шейха в отеле, знакомством с известной мне звездной парочкой из Голливуда...

Она слабо лепетала, что, дескать, может, не надо? – когда на шелковых простынях огромной кровати под парчовым балдахином я стягивал с нее простенькие хлопчатобумажные трусики, проводя ладонью по ее влажному, трепещущему естеству, но я нежно и твердо уговаривал: ничего не бойся, теперь у тебя все будет так, как ты хочешь, и она отдалась мне, – девчонка, девственница, невеста при этом на что рассчитывая. Хотя...

Я помню ее неопытность, стыд, замешательство, горечь потери прежней себя; я помню ее неловкие объятия, похожие на потерянные жесты, страдальчески закушенную губу от невыказанных страха и боли; помню ее ночное дыхание, сквозившее тревожной бессонницей...

Насытившись ее юностью, я спал, а она, глупышка, словно ступившая на край пропасти, ужасалась ее и терзалась неизвестностью и наступлением утра, должным развеять сказочные миражи. Впрочем, они уже развеялись под тем самым балдахином.

Но я не обманул ее. И не бросил. Хотя, надо сказать, не так уж она мне тогда и приглянулась. Дура дурой, постоянно щебетала о своей деревне, об увлечении музыкой, – она играла на скрипке и пела в церковном хоре. Страсти в ней было не больше, чем в резиновой кукле, угловатая манерность вызывала раздражение, говорила она с преувеличенной вежливостью идиотки, однако что-то в ней все-таки меня зацепило.

В ней был, полагаю, какой-то скрытый и весьма расчетливый авантюризм. Расцветший впоследствии таким пышным букетом, какого я и представить не мог! Однако в ней были два качества, гарантирующие успех: терпение и трудолюбие.

Нутряным чувством я ведал, что мне попался благодарный материал. И – не ошибся. Еще в ЦРУ меня считали одним из самых толковых вербовщиков, а здесь мне предстояло сыграть с ребенком, едва уразумевшим в игре под названием жизнь лишь начальные ходы.

Я сразу расставил на места две фигуры: себя, семейного человека, дорожащего всем имеющимся, и ее, – должную заполучить все, о чем грезится. Кроме меня, разумеется. О чем ей напрямик и поведал.

Затем взял ее на работу менеджером в одной из корпораций, установив за ней ненавязчивое наблюдение.

Она оказалась толковым, легко обучающимся работником, доброжелательным и отзывчивым. Без какой-либо моей протекции быстро пошла на повышение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.